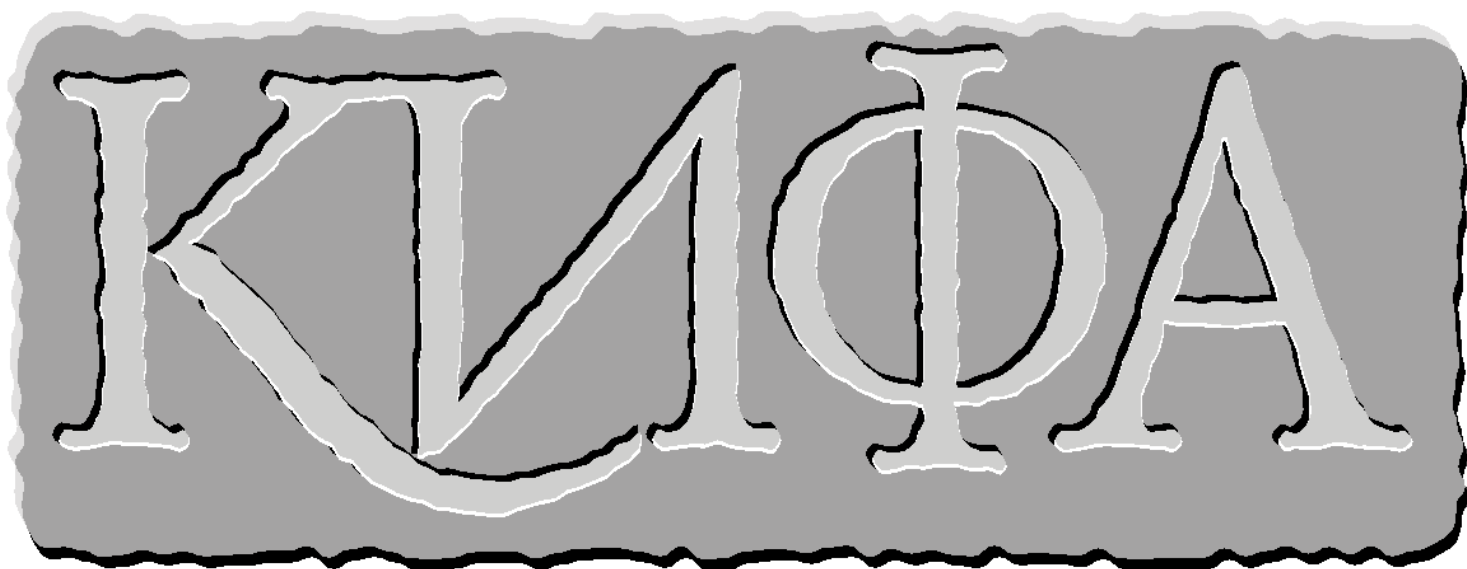

8 (11)

ИЗДАНИЕ
ПРЕОБРАЖЕНСКОГО
АВГУСТ СОДРУЖЕСТВА
БРАТСТВ

2003

В газете использованы
материалы
сайта www.sfi.ru

МИТРОПОЛИТ КИШИНЕВСКИЙ И ВСЕЯ МОЛДОВЫ ВЛАДИМИР: Я НАДЕЮСЬ НА НАШУ ДРУЖБУ

“Кифа”: Мы уже пять дней в Кишиневе. Нас поразили тот мирный дух, который здесь царит, и то единство, которое объединяет верующих, несмотря на то, что здесь есть люди разных национальностей. Нас очень радушно встретили, и мы хотели поблагодарить Вас и попросить сказать несколько слов нашим читателям.

— Молдова — это православно верующая страна. Даже в трудные для церкви советские времена люди ходили в те храмы, которые остались открытыми, люди крестили детей, венчались, молились, исповедовались, причащались. Для нас радостно, что вы проявляете интерес к нашей православной церкви в Молдове. Слава Богу, что при помощи наших верующих, при помощи наших священнослужителей, за последние тринадцать лет открылось более тысячи приходов, тринадцать монастырей, три духовные шко-

лы. И вот эти паломнические путешествия, которые совершаете вы сюда, а мы в Россию — это укрепляет нас в нашей вере, это укрепляет нас в нашей дружбе, в нашей любви друг к другу, и я прошу всемилостивого Бога, чтобы мы и дальше имели возможность встречаться, молиться вместе.

“Кифа”: Мы знаем, что Молдова связана с такими замечательными именами в традиции православного просвещения, как Паисий Величковский. Как сейчас возрождается здесь духовное просвещение, планируются ли у вас какие-то высшие богословские учебные заведения для мирян?

— В настоящее время у нас есть и школа для псаломщиков, и семинария, и лицей для девушек и для мальчиков. Есть духовная семинария, духовная академия. Мы надеемся, что в этом году мы откроем еще одно учебное заведение, так ска-

зать, церковно-государственное, где смогут учиться своей вере миряне. Весь вопрос сейчас упирается в подыскание помещения.

“Кифа”: Мы заметили, что многие люди стараются активно участвовать в богослужении, стараются подпевать, следить за службой. Скажите пожалуйста, есть ли в соборе какие-то встречи, где объяснялось бы Писание, рассказывалось бы о богослужении?

— У нас есть издание богослужения и на русском, и на румынском языке. Это то, что мы можем сделать для всех верующих. И еще — в соборе у нас, если вы заметили, с правой стороны есть ящик, куда верующие анонимно подают самые разнообразные вопросы о том, что их интересует. И после Божественной литургии седмичный священник берет эти записочки и отвечает на вопросы. Кроме того, у нас имеется, конечно, и воскресная школа, и детский хор. Так что такое общение между верующими и священнослужителями у нас есть.

“Кифа”: Ректор нашего института был очень тронут Вашим пасхальным поздравлением. Может быть, Вы хотите передать преподавателям, сотрудникам и студентам нашего института Ваше благословение?

— Мы хотели бы, чтобы наши преподаватели, наши студенты дружили с преподавателями и студентами Свято-Филаретовского института, и надеемся, нам это в будущем удастся, поскольку в последнее время преподаватели и студенты нашей духовной академии и семинарии часто встречаются с вашими преподавателями и студентами в Москве и в других городах, где бывают конференции и встречи. Я надеюсь, что первые шаги мы уже сделали и в будущем будем стараться как можно больше крепить студенческую, преподавательскую и общую нашу дружбу.

Беседовала Александра КОЛЫМАГИНА

О ПРОСВЕЩЕНИИ

Пытаясь найти пространство для встречи с современной ему культурой, один из ранних святых, мученик Иустин Философ, говорил, что в сфере человеческой мысли, человеческого духа и творчества есть семена Логоса. Может быть, на нашем языке мы бы сказали сейчас иначе; наверное, мы сказали бы — во все века истории сквозь ее тьму и жестокость, равнодушие и бесчеловечность пробивались искры света. Они не всегда знали о своем собственном источнике и даже не всегда рождались прямо из него. В человеческой душе есть идущее из той глубины, где возникают главные решения, стремление к свету правды, и среди секуляризованного или, наоборот, задыхающегося от фари-сейства мира иногда именно оно было источником одной из этих крохотных, но упорно светящихся точек.

Когда мы оборачиваемся назад, опыт

тех поколений, что были до нас, может предстать перед нами набором полезных сведений, абстрактной картинкой или подтверждением сложившейся в нашем сознании модели окружающего мира. Но все-таки в самой основе слова, которым мы называем стремление принять в себя этот опыт, лежит именно свет. И само оно может значить лишь это — соби́рание, впитывание в себя светящегося опыта правды.

Конечно, есть и ложное свечение, гнилостный энтузиазм фальшивых открытий и открытий. Есть искренние ошибки. Есть непредвиденные тупики. И наш ум, и наша душа и здоровы в своей сердцевине — и неизлечимо больны во всех своих проявлениях. Свет нашей человеческой правды слабнет и гаснет, если он не соединится со светом Фавора, с источником всякой истины и назидующей сердце любви. Лишь в этом соединении в нас может

сгореть все ложное, и только в нем мы станем способны принести плоды и что-то подлинное отдать другим — и тем, кто рядом с нами, и тем, кто будет после нас. И даже тем, кто жил когда-то раньше, в самих себе мы можем с благодарностью отдать собранные воедино искорки их света, унаследованное и приумноженное богатство.

Мы все это можем — если только хотим, если готовы сражаться ради этого с суетой повседневности, с жалостью к себе и своему, с самодовольством и трусливым желанием переложить этот груз на чьи-то чужие плечи. Если же мы отказываемся и отходим в сторону, равнодушно оставляя распространяющуюся вокруг нас тьму проглатывать пробивающееся сквозь нее сияние — то мы оказываемся не только бессильны. Мы становимся предателями — и перед лицом своего звания и избрания, и перед лицом окружающего нас мира, все больше погружающегося в темноту и холод, и перед лицом всех тех, кто, не жалея себя, искал правды и света и оставил их нам в наследство.

Иван ПЕТРОВ

АНОНС:

На его лице мы видели сияние вечной жизни...

После отпевания митрополита Сурожского Антония народ пел стихиры Пасхи

Люди со всего мира приехали ради встречи друг с другом

В Москве прошла четырнадцатая встреча Преображенского братства (Стр. 3)

Проповедник христианской свободы
Об архимандрите Таврионе (Батозском) вспоминает один из его учеников (Стр. 4)

Неизвестный Афанасьев

В издательстве СФИ вышла в свет книга “Церковные соборы и их происхождение” (Стр. 5)

Вера - диалог - общение

К открытию тринадцатой международной богословской конференции (Стр. 6)

Театр духовной драмы

Отметил свой юбилей (Стр. 8)

“Врачу моему, помешавшей мне умереть...”

Воспоминания героини “Ракового корпуса” (Стр. 9)

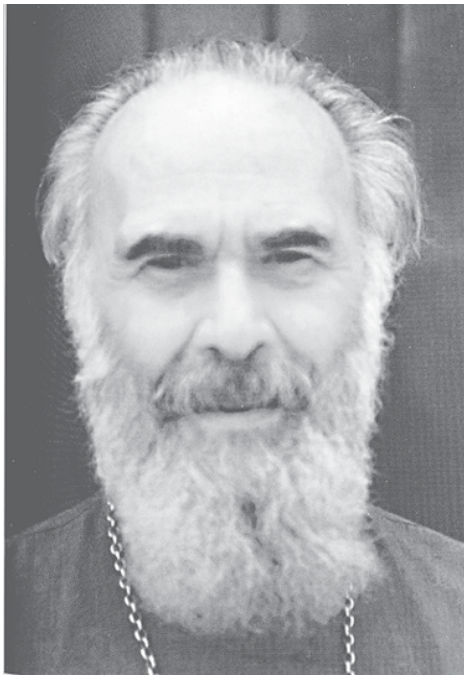
“То ж братчики!”

Благодарная память о неплюевском братстве (Стр. 10-11)

Быть или не быть

Подростки в церковной жизни (Стр. 12)

Имя митрополита Антония (Бума) стало легендой уже в 60-е годы, когда миллионы людей слушали сквозь советские глушилки по Би-би-си его исполненные обаянием искренности и свежести слова. Он говорил о внутренней тишине, о духовной свободе, о нравственном выборе. Его проповеди олицетворяли собой "культурное православие", открытое всем – верующим, скептикам и атеистам. Записи его бесед широко ходили в самиздате. А в 1990-е годы в России вышли в свет их многочисленные издания.

Митрополит Антоний родился в 1914 году в семье русского дипломата. После революции вместе с родителями оказался в эмиграции. Учился на медика в Сорбонне. В войну принял монашеский постриг. Помогал в качестве врача подпольщикам Сопротивления. В 1948 году переехал в Великобританию, где служил сначала священником, затем епископом.

Выдающийся пастырь-проповедник, он практически с нуля, с одного маленького прихода создал многонациональную Сурожскую епархию. Уже за одно это деяние его имя достойно быть занесенным в святцы.

Митрополит Антоний всячески избегал приземленного восприятия религиозной традиции лишь в качестве одной из составляющих культурной идентичности. Он стремился вывести православие из того национально-культурного гетто, в котором оно оказалось, и строил церковную жизнь на забытых в современной России решениях Поместного Собора 1917-18 гг. Для него были чрезвычайно важны принципы выборного самоуправления основанной им епархии, возможность выбора церковным народом священников и епископа.

В отличие от других иерархов РПЦ, владыка никогда не жил при советской власти. Но, по мере сил, власти этой противостоял, протестуя против преследования религиозных диссидентов и высылки из страны Солженицына. Остро реагировал митрополит и на беды постсоветской Церкви – рост православного фундаментализма, отмывание "грязных денег" и т.п. Но, как хирург, делал это осторожно, избегая публичности, чтобы не ухудшить ситуацию.

И всегда, при любых обстоятельствах он проповедовал воскресшего Бога. "Победа над смертью, над страхом смерти заключается в том, чтобы жить глубже и глубже вечностью и других приобщать к этой полноте жизни", – говорил он в одной из своих бесед.

...Он скончался на 90-м году жизни от рака. Отпели митрополита Антония в церкви Успения Богородицы в лондонском районе Кенсингтон, где он служил многие десятилетия.

Борис КОЛЫМАГИН

"Кифа": Анна Ильинична, Вы только что встретили дочь, которая летала на похороны владыки Антония. Не могли бы Вы сказать об этом несколько слов?

– Постараюсь. Похороны были, как, наверное, все знают, в среду – 13-го числа. Тело владыки очень долго стояло в храме. Он умер 4 августа и похоронен только 13-го. Так что все, кто хотел, могли проститься, священники все время читали Евангелие.

"Кифа": Храм был открыт все 24 часа?

– Нет, закрывался в 22.00, кроме последнего дня, когда после парастаса – заупокойной всенощной, которую отслужили 12-го в 17.30, в их обычное время, один человек из Москвы остался на ночь у гроба с одним из священников храма. К сожалению, некоторые священники почему-то настаивали, чтоб не фотографировали. Они говорили, что это мешает молящимся, и не дали никому снять лицо владыки. Но моя дочь подошла и попросила, сказала, что не для себя, но только для нас всех, и ей разрешили после службы подойти и сфотографировать владыку в гробу.

Прилетел митрополит Минский и Слуцкий Филарет, он служил заупокойную всенощную. Он не сказал никакого слова от себя, но прочел на всенощной послание, заранее заготовленное им в Минске, затем на литургии прочел послание митрополита Кирилла и перед отпеванием – послание патри-

самое дорогое, что у них было в жизни, общее настроение было скорее светлое и было общее чувство, что владыка Антоний настолько с нами, настолько здесь, настолько жив, что чувство расставания даже не возникает. Казалось, что Владыка находится в алтаре и служит Литургию вместе со всеми.

Некоторые люди отмечали, что хотя температура воздуха и духота в храме такая, которой в Англии не бывает и никогда не было, и многие люди находились в церкви уже сутки без еды и питья, никто из присутствующих не потерял сознания и не было несчастных случаев.

"Кифа": Это очень важно, так как все последние сообщения о массовых церковных мероприятиях сопровождаются известиями о каких-то трагических случаях.

– Нет. Тут было скорее наоборот. В конце отпевания, после всего полагающегося, о. Сергей Овсянников начал петь пасхальный тропарь, подхватили все присутствующие, затем протоиерей Петр Скорер провозгласил стихиры Пасхи и пропели все песнопения пасхальной заутрени: стихиры, экзопостиларий, канон. И пока люди расходились, все эти песнопения пасхальной заутрени были пропеты народом на отпевании, на старом кладбище на Олд Бромптон, где похоронены бабушка и мать владыки, недалеко от церкви.

Маша говорит, что вспомнила о том,

плохо. Как мы будем жить без него – без последней инстанции, к которой можно обратиться, когда совсем все плохо, без последнего ответа – я не знаю. Как часто он сам говорил о других людях, часто повторял это древнее монашеское присловье, – "никто не может прийти к Богу, если не увидит на лице другого человека свет вечности"!

Все мы видели этот свет на его лице. При первой встрече с ним я услышала, как он, отвечая на вопрос, как можно исполнять в нашей мирской, суетной жизни аскетические наставления святых отцов, сказал: я не знаю как, и не знаю нужно ли это мирянам, но Евангелие радикально исполнимо в нашей жизни. И вот с этим мы жили все эти годы. Мы видели человека, который радикально исполняет Евангелие в своей жизни, не сколько-то, не иногда, а полностью. И мы это потеряли. Будем надеяться, что память об этом никогда не потеряется.

"Кифа": Вселяет ли что-то надежду на то, что какое-то преемство по отношению к владыке и его опыту будет?

– Ну, конечно, я думаю, все мы знаем, что оно есть, потому что владыка жив в своих книгах. Здесь мы все бесконечно обязаны Елене Львовне и Татьяне Львовне Майданович, которые сделали возможным постоянное и как бы непрекращающееся общение с жи-

НА ЕГО ЛИЦЕ МЫ ВИДЕЛИ СИЯНИЕ ВЕЧНОЙ ЖИЗНИ...

Беседа с Анной Шмаиной-Великановой

арха. Владыка Филарет совершенно не старался выходить на передний план. А именно был со скорбящими как скорбящий.

Литургию в день похорон служили все епископы вместе, и из священников – о. Александр Фестиропулос. О. Иоанн (Джон) Ли, который был все последние дни владыки при нем безот-

что в этом году исполнилось 100 лет прославлению преподобного Серафима и его слова: "В середине лета запойт Пасху".

"Кифа": Анна Ильинична, не могли бы Вы сказать хотя бы что-то о смысле того, что произошло? Я понимаю, что сейчас трудно об этом говорить, тем

лучно, просто находился в алтаре, но, кажется, не служил. В основном и литургию, и отпевание, и погребение совершал владыка Василий. Владыка Анатолий и владыка Иннокентий Корсунский тоже сослужили. На отпевании были греческий митрополит со священниками и архиепископ Кентерберийский. Все священники Сурожской епархии присутствовали, и из Амстердама – о. Сергей Овсянников, и очень много священников, которых Маша не знает. И из Москвы приехало несколько священников. О. Владимир Архипов и о. Георгий Чистяков были все время. Но священники даже не входили в алтарь, фактически не было места, они стояли как миряне, только причащались первыми, также, как и священники Сурожской епархии – это не была дискриминация.

Несмотря на то, что некоторые люди, даже очень многие, потеряли

более, что Вы лично знали владыку – для Вас он навсегда останется живым. Но все-таки: о смысле того, что произошло, о смысле его смерти для нас, для нашей церкви, может быть, для России – не могли бы Вы что-нибудь сказать?

– Ну, что тут скажешь... О. Илья, мой отец, каждый день служил панихиды дома, и в то время, когда в Лондоне шло отпевание, он служил панихиду в храме и сказал слово, которое, мне кажется, можно резюмировать так. Владыка давно хотел уйти. Он хотел уйти в затвор. Он всегда, с юных лет стремился "разрешиться и быть со Христом", но знал: "оставаться во плоти нужнее для вас". Ему хорошо, он жив там, где он душой был давно или всегда – вряд ли у кого-то есть сомнения в его святости, в его очень скорой канонизации, даже в рамках той существующей церкви, которая сейчас есть. Но мы осиротели – ему хорошо, но нам

вым владыкой. Потому что он ничего не писал. Он только говорил. И как он говорил, так он в этих книгах с нами и говорит. Существует еще множество неопубликованных текстов, которые Елена Львовна, конечно, по мере сил передаст церкви, России, человечеству.

И, главное, существует и молитвенное общение. Сейчас, до общего церковного прославления, мы не можем делать этого прямо и официально, но я думаю, что ничто не может нам помешать лично обращаться к нему в молитвах. В первую же ночь сайт владыки, когда весть дошла до россиян, был полон такими высказываниями: "Святителю отче Антоние, моли Бога о нас". Конечно, это никоим образом не может влиять на все происходящее в церковной жизни, в канонической ее стороне, но личная молитва, мне кажется, уже может звучать, как собственно, было и тогда, когда он был жив. Некоторые священники, которых я знала в детстве, старые, строгие священники, говорили: "А вы молитесь: молитвами отца нашего Антония, Господи, помилуй нас".

"Кифа": Имея в виду его?

– Да, конечно.

"Кифа": А будет ли существовать Сурожская епархия без него? Ведь это буквально его ребенок.

– Да. Но я надеюсь, что она стоит на собственных ногах, несмотря на те настроения, которые потрясли ее в последний год, что омрачило и, может быть, сократило жизнь Владыки. Но, конечно, епархия – жизнеспособный организм и под мудрым руководством владыки Василия, верного ученика владыки Антония, она будет существовать и расширяться. Владыка учил, как жить без него. И как это ни больно, но я надеюсь, что люди сумеют.

"Кифа": Такое ощущение, что он успел буквально все – всего за несколько дней до смерти было принято решение об его уходе на покой.

– Да, он, конечно, не мог себе позволить уйти прежде, чем он был уже уверен, успел узнать, что владыка Василий назначен его преемником, что все будет так, как он считал нужным. И только тогда он позволил себе уйти.

В МОСКВЕ ПРОШЛА XIV ЕЖЕГОДНАЯ ВСТРЕЧА ПРЕОБРАЖЕНСКОГО БРАТСТВА

Круглый стол катехизаторов. Доклад преподавателя СФИ Давида Гззьяна

С 16 по 19 августа 2003 года в Москве прошла четырнадцатая ежегодная встреча Преображенского братства.

Традиционные праздничные встречи этого движения, зародившегося около тридцати лет назад и ставшего своей задачей возрождение евхаристического сознания, миссии и катехизации, опыта общинно-братской жизни в Русской православной церкви, проводятся с 1990 года. В этом году в центре встречи, в которой приняли участие более 1000 членов Преображенского братства и его друзей из 22 епархий РПЦ, 40 городов и 8 стран, стояла тема "Вера — диалог — общение".

Задавая тон обсуждению, духовный попечитель братства священник Георгий Кочетков напомнил о важности исполненного духом молчания (исихии), которое надо признать условием всякого подлинного диалога. Такое молчание не может не иметь продолжения в слове и служении, полном личной любви к каждому посланному нам Богом ближнему.

В эти праздничные дни члены братства участвовали в литургии в московских храмах. Встреча была наполнена радостным братским общением, ее участники делились впечатлениями о результатах недавно завершившихся летних паломничеств.

В этом году программа впервые включала в себя не только тематические семинары, рассчитанные на всех участников встречи, но и несколько открытых круглых столов по актуальным темам общецерковной жизни, собравших сотни человек.

На первом из них говорилось о проблемах соборности в жизни нашей церкви. Было подчеркнуто, что здесь нельзя обойтись без опыта Великого Московского собора 1917-18 гг. и трудов его участников, в частности, сщмч. митр. Серафима (Чичагова), а также без современных исследований, таких, как доклад псковского протоиерея Павла Адельгей-

ма "Возрождение и границы Церкви", прочитанный им на конференции "Духовные движения в Народе Божьем" (Москва, 2002 г.). Важен и опыт московских миссионерско-общинных приходов Преображенского братства, в частности, Владимирского собора Сретенского монастыря в 1990-94 гг., храма Успения Божией Матери в Печатниках в 1994-97 гг. и других. Участники обсуждения пришли к выводу, что проблема соборности не может быть разрешена юридически или даже чисто канонически. Необходим более глубокий экклезиологический подход, принимающий во внимание такое явление церковной жизни как общины и братства.

Еще один круглый стол — "Современный уровень и перспективы катехизации в РПЦ" — собрал прежде всего катехизаторов из разных епархий, участвующих в многолетних трудах братства по возрождению в церкви традиционной системы оглашения взрослых. В центре дискуссии были трудности, связанные с введением святоотеческих принципов катехизации в современных приходских условиях. Как было отмечено, приходская система — это воплощение идеи симфонии: воцерковления жизни через взаимопроникновение

Духовный попечитель братства свящ. Георгий Кочетков на открытии встречи

и поддержку церкви и государства. Катехизация же в святоотеческом смысле всегда обращена к каждому конкретному человеку и предполагает его личный выбор жизни во Христе — и значит, смерти для всей прежней языческой жизни. В приходских же условиях то, что называется катехизацией, как правило, очень слабо связано с традицией Церкви, поскольку зачастую вырождается в упрощенный образовательный лекторий.

После праздничной литургии в Новодевичьем монастыре

Разрешение проблем, отмеченных участниками встречи, возможно только на пути духовного диалога, признающего укорененность позиций всех его участников в церковной традиции. Такой внутробрательский и вовне-ориентированный диалог Преображенское братство стремится вести все время, последние 10 лет — в условиях направленных против него внутрирелигиозных гонений. Этому печальному десятилетнему юбилею была посвящена встреча с непосредственными участниками событий. В качестве письменных свидетельств приводились подлинные документы, большинство из которых опубликованы в открытой печати, в частности, в изданиях Сретенского братства, таких как "Христианский вестник" вып. 1-3. Вспоминались подлинные обстоятельства фактического роспуска братского прихода Владимирского собора в 1993-94 гг., провокация в храме Успения в Печатниках в 1997 г., клевета и травля в псевдоцерковных СМИ, соответствующих книгах и брошюрах, на конференциях типа "Единство церкви" — и, с другой стороны, слова поддержки со стороны самих выдающихся церковных и общественных деятелей.

В рамках встречи прошли также день открытых дверей Свято-Филаретовского православно-христианского института, который поддерживается братством, и читательская конференция, посвященная изданиям института и братской газете "Кифа".

Для духовного размышления на следующий год собравшимися единодушно была выбрана тема "Слышание и слушание Бога и ближнего в общине, братстве, церкви и обществе".

НОВЫЙ ПЕРЕВОД ВЕЛИКОГО ПОКАЯННОГО КАНОНА

получил высокую оценку богословов и светских ученых

Пресс-служба Херсонской епархии. В начале лета вышло издание перевода на русский язык "Великого покаянного канона святого преподобного Андрея Критского". Автор перевода — архиепископ Херсонский и Таврический Ионафан предложил читателям четыре опыта переложения: славянизированный, прозаический, ритмический и стихотворный.

Первые отзывы церковных иерархов и научных работников показали высокую оценку этого труда. Митрополит Минский и Слуцкий Филарет, Патриарший Экзарх всея Беларуси, направил на имя архиепископа Ионафана благодарственное письмо: "Искренне благодарю за присланную Вами книгу, содер-

Архиепископ Ионафан беседует с паломниками Свято-Георгиевского братства

жащую опыт переложения "Покаянного канона Андрея Критского" на русский язык. С радостью воспринял этот замечательный труд, в котором богословская верность первоисточнику, благодаря Вашему духовно-поэтическому дарованию, обрела столь естественные для современного русского слуха формы. Тепло приветствуя ваш талант церковного поэта, молитвенно желаю Вам, дорогой Владыко, помощи Божией для воплощения всех Ваших творческих замыслов на многая лета!"

В настоящее время архиепископ Ионафан ведет работу по подготовке книги, разъясняющей смысл Божественной Литургии.

ДЕНЬ ОТКРЫТЫХ ДВЕРЕЙ СВЯТО-ФИЛАРЕТОВСКОГО ИНСТИТУТА

В рамках традиционной праздничной встречи Преображенского братства состоялась День открытых дверей Свято-Филаретовского института. Он начался со слова ректора, свящ. Георгия Кочеткова. Кратко коснувшись истории Института, которому в этом году исполнилось пятнадцать лет, он сказал:

"Мы не можем пока похвастаться какими-то великими именами среди наших выпускников. У нас нет еще достаточной исторической дистанции, которая позволит оценить такого рода вещи. Но она будет. И Господь, и Церковь, и культура, и общество со временем расставят свои акценты и дадут свои оценки. Если же говорить о дне сегодняшнем, то любой человек, который живет в современном мире, хочет не испытывать неуверенности в вопросах духовных, когда к нему кто-то обращается, когда жизнь ставит перед ним сложные вопросы. Он хочет давать

правильные ответы. Он хочет помогать другим и не быть побежденным злом сам. И в этом смысле Институт — как скала, как столп, который помогает поддерживать какую-то часть церковного здания.

Мы знаем, что пока есть вдохновение у тех, кто работает, учит и учится, у тех, кто только приходит в Институт, до тех пор он будет существовать и выполнять именно свойственную ему функцию. С одной стороны — функцию настоящего высшего православного христианского учебного заведения, собирающего культурную и духовную традицию воедино. С другой — не только учебного заведения, но и части церковного организма, помогающей этому организму разрешать проблемы внешние и внутренние, то есть нормально существовать".

Тему соотношения сегодняшнего дня и исторической перспективы продолжил преподаватель истории церкви Виктор

Котт. Он прочитал некоторые документы, касающиеся истории другого института — Свято-Сергиевского института в Париже, и, обратившись к ним, попробовал определить основные черты подлинно церковной высшей школы. По его мнению, стремление ответить на вызовы времени, на реальные нужды церкви, верность преданию и внешняя свобода (признаки, во многом роднящие Свято-Сергиевский и Свято-Филаретовский институты) были основой тех плодотворных усилий по решению проблем старой школы, которые сегодня известны всем как традиция парижского богословия.

Очень личные, сугубо «неофициозные» выступления руководителей кафедр Института не только дали абитуриентам первое представление о специфике тех или иных предметов, но, прежде всего, заставили всех задуматься над проблемой преодоления страхов и сомнений, сопро-

Абитуриенты обсуждают вступительные экзамены

вождающих начало учебы.

Дальнейший разговор продолжился в группах, собравшихся у стендов Высшей школы и Богословского колледжа, где шел более подробный разговор обо всех подробностях студенческой жизни, ожидающей будущих первокурсников.

Тихон Батозский. Январь 1918 г.

О. Таврион — прежде всего, духоносная и светоносная фигура, и это самое главное. Поэтому его проповедь была очень доступной и очень личностной. Она была в очень большой степени построенная на Священном писании и на личном литургическом опыте. Ведь он всю жизнь служил литургию, служил во всех условиях, в которых ему приходилось жить, — иногда в самых неблагоприятных, как известно, — и его служение поражаало именно этим, поражало даже людей, которые совсем не знали ни его, ни его жизни. Они чувствовали, что его проповедь, прежде всего, обращена к ним, они даже часто думали, что он настолько прозорлив, что просто видит всю их душу. На самом же деле он просто говорил в Духе — а это гораздо больше “информационной” прозорливости, больше “службы прогнозов”.

О. Таврион был очень открыт. И при этом он понимал, что есть вещи принципиально важные, о которых можно и нужно спорить, если необходимо, а есть вещи неважные. Поэтому он спокойно мог держать в храме подаренные ему статуэтки католического образца: он понимал, что не это нас разделяет. Он знал, как объединяет всех Евхаристия, но и понимал то, что нельзя вместе ни с кем служить, если нет полного единства. Он огненно призывал к этому единству всех. Он призывал к исполнению слов Христовых о Чаше, понимая, конечно, под этой Чашей в первую очередь евхаристическую чашу, но не забывая и о той чаше страданий, которая всегда связана с настоящим, подлинным евхаристическим служением в Церкви.

Поэтому, может быть, он не любил у себя в алтаре дяконов — он не очень стремился к какой-то обрядовой пышности. Он мог в златоустовскую литургию вставлять какие-то фразы из литургии Василия Великого. Такого рода заимствования известны в православной литургической истории, и ничего странного в них нет, потому что у него тут не было какой-то несуслазицы, не было какого-то произвола. Так он молился о тех, о ком он не мог не молиться, а некото-

13 августа исполнилось 25 лет со дня кончины одного из основных деятелей литургического возрождения в России — архимандрита Тавриона (Батозского). Он родился 28 июля 1898 года в Харьковской губернии, шестым ребенком в многодетной семье. С пятнадцати лет стал послушником в Глинской пустыни. Во время рукоположения в иеромонахи (1925 г.) получил от епископа Павлина (Крошечкина) благословение на ежедневное служение литургии “идеже прилучится” — благословение, которое с того дня исполнял в любых условиях — в лагерях, тюрьмах, ссылках. В конце 20-х годов по поручению епископа Павлина о. Таврион вместе с Глинским монахом Андроником и москвичом Иваном Ивановичем Кувшиновым объезжал русских епископов для проведения тайных выборов патриарха. Возможно, именно этим объясняются длительные сроки его заключения: в общей сложности они составляют около двадцати семи лет. В начале 90-х годов все чаще стали звучать голоса о необходимости его общецерковного прославления. Впервые об этом заговорил журнал “Православная община” (в нем был опубликован список церковных деятелей, чья канонизация необходима в первую очередь; сейчас почти все они канонизированы Русской православной церковью).

Ниже мы публикуем краткие воспоминания священника Георгия Кочеткова, постоянно ездившего в 70-е годы в Спасо-Преображенскую пустынь под Елгавой, где в последние годы жизни служил архимандрит Таврион.

СИЛА СВОБОДЫ

рые такие молитвы находятся именно в анафоре, в интерцессии, литургии св. Василия.

Он спокойно мог читать на службе по-русски, при этом не делая на этом никакого специального акцента: он просто выносил, скажем, на Утрне русский перевод канона, и спокойно читал, без выражения, без рационалистического “разжевывания”. Правда, иногда и по-русски было ничего не понятно, потому что все читалось очень быстро. Но дело было не в этом, а в том, что он был обращен к каждому человеку, да он и не мог, будучи настоящим мучеником и исповедником веры, не быть обращенным к народу, как он не мог просто механически воспроизводить литургическую традицию, сложившуюся в церкви к началу XX века. Конечно, при этом он очень широко привлекал мирян из паломников, ценил их ревность и грамотность.

Он поражал своей добротой и при этом строгостью. Он принимал для беседы каждого желающего, что было уникально в то время, хотя, конечно, не в любой час, ведь у него был строгий порядок и распорядок. Это был подвижник веры и подвижник благочестия, он всегда вставал рано и много трудился.

Он хорошо знал святых отцов — я это знаю из личных бесед с ним. Мне он очень понравился тем, что дал совет читать отцов не по шаблону, а в определенном порядке, который мне тогда был неведом. Например, он рекомендовал начать со святого Афанасия Великого. Я от него этого не ожидал. Если бы он сказал — с Василия Великого или Иоанна Златоуста, я бы этого, может быть, даже и не запомнил, а с Афанасия Великого... Теперь я думаю, что для человека столь открытого и свободного это неудивительно, потому что Афанасий Великий тоже был очень свободным и открытым человеком.

Однажды мне пришлось отвезить большую пачку личных писем о. Тавриона для того, чтобы просто опустить их в почтовый ящик в Москве, ведь было немало опасно делать это рядом с монастырем. Я был потрясен его огромной перепиской. А какое-то время спустя ко мне в гости приехал священник из Средней Азии и прочитал мне письмо, полученное им как раз от о. Тавриона. И я имел возможность познакомиться еще и с тем, о чем он пишет. Было удивительно узнать, каким он видел приходское священническое служение в те годы. Причем адресатом его был совершенно обычный священник. О. Таврион писал: “Учите людей, для этого находите в первую очередь тех, кто может других научить”. Сейчас это звучит почти обыденно, хотя все равно не делается, а в то время это было не обыденно, в то время даже писать об этом было просто-напросто опасно. О. Таврион вкладывал в свои письма иконы и свои портретики, писал очень быстрым, даже малопонятным, почерком, писал замечательные вещи, которые могли исполняться уже в то время. Они были опасными, но все-таки они были реальными, и если бы они исполнялись, если бы таких отцов Таврионов было бы у нас в церкви побольше, то мы бы сейчас при-

шли к совсем другим результатам в нашем так называемом церковном возрождении, в том числе и литургическом.

Конечно, в то время были и другие крупнейшие фигуры литургического возрождения — митрополит Никодим (Ротов), протоиерей Всеволод Шпиллер, С.И.Фудель. Это были люди, которые по-разному пришли к евхаристическому богословию, по-разному пришли и к соответствующей проповеди, но архимандрит Таврион был сильнее всех. Сила митрополита Никодима была в том, что он просто ежедневно служил Евхаристию. Даже когда лежал с инфарктом на больничной койке, он и лежа все равно служил, и никогда этого не отменял. Он воспринял это как заповедь, ему данную. О. Всеволод в свою очередь был очень хорош тем, что блестяще проповедовал “от богословия”, — от Шмемана, Афанасьева и от Булакова, которого хорошо знал и любил. Но о. Таврион был силен тем, что он проповедовал “от жизни” — от этого удивительного опыта жизни без всяких посредников и даже без всякой теории. Это была просто его жизнь по Евангелию и воле Божьей, и в этом сила была необыкновенная.

Когда я в первый раз приехал к нему в пустыньку в 74-м году (я, кажется, уже был тогда аспирантом, или только готовился к поступлению в аспирантуру по благословению о. Всеволода и о. Иоанна Крестянкина), я не мог себе представить, что можно встать в пять часов утра, чтобы идти на службу. Так как никто никого ни к чему не принуждал (это было очень важно), я вначале даже пропускать эти будничные службы, а потом не смог не войти в эту среду. Не смог, несмотря на то, что во мне было даже какое-то предубеждение против этого. Ну как же, вот, практически без исповеди для всех совершается ежедневное причастие, есть только краткая общая исповедь, и всё, а лично что-то сказать почти нет никакой возможности. Вот, записывается имя каждого подходящего на разрешительную молитву, что может быть опасно. Правда, потом имена всех причастников читались на литургии как имена членов евхаристической общины, которая в самом монастыре была невозможна, но которая вот таким образом собиралась о. Таврионом...

Все мои предрассудки разлетелись очень быстро, и потом я уже не мог не ездить к старцу Тавриону регулярно, не то что один раз в год, но по нескольку раз в год, несмотря на все опасности того времени. Я уже не мог не причащаться, не участвовать лично в служении на каждой Евхаристии. Я не мог не оценить по достоинству и того, что весь народ участвовал в службах, что хор к анафоре всегда сходил в середину храма и пел со всем народом, как это позже было заведено и митрополитом Никодимом в храме Ленинградской духовной академии. Все пели и участвовали в службе.

Самые кислые лица были лишь у монахинь. Увы, они, во всяком случае, большинство из них, в этом смысле оказались “непробиваемы”, и это печально. Всегда удивлялся: те люди, которые были близки к святине, к святине самой лич-

Архимандрит Таврион. 1973 г.

ности о. Тавриона, его не очень-то любили. Он доставлял им беспокойство. Много народу, много хлопот — это воспринималось как суета, а не как служение Богу. Конечно, как всегда, пока святой старец жил, пока он действовал, были люди и недовольные им. И не только в монастыре, ведь слава о нем шла по всей Руси великой: а, вот там причащаются часто, в монастыре у о. Тавриона причащаются каждый день. Но именно это некоторых очень привлекало, некоторых пугало и некоторых отвращало.

И тем не менее о. Таврион свое служение, в том числе и пророческое служение, служение обличения, нес очень высоко. Он вдохновлял этим и своего архиерея, фактически будучи его духовным руководителем. А надо сказать, что этот архиерей, митрополит Леонид (Поляков), был одним из лучших в Русской церкви в то время.

О. Таврион был настоящим старцем. Сейчас, когда мифология старчества необыкновенно расцвела и распространилась в нашей церкви, это сказать очень важно, чтобы нам лучше понять, что есть настоящее старчество. У людей сейчас нет критериев, про старцев обычно говорят лишь: “прозорливый”. Ну, о прозорливости я уже кое-что сказал. Да, о. Таврион был прозорливым, но по-христиански, а не просто так, что что-то предвидел, как это бывает и у язычников. О. Таврион был уникален тем, что, пройдя через горнило страшных страданий, при этом никогда не отрываясь от Церкви, всегда выполнял какую-то важную церковную функцию, какое-то служение, являл удивительное внимание к каждому человеку, такое же, как и ко всей Церкви. Поэтому он и был так вдохновлен Евхаристией как таинством Церкви. Он был истинным старцем, судя по той заботе и по тому ощущению воли Божьей о каждом конкретном человеке, которые были не просто жалостью и не просто ответом на тот или иной вопрос о нуждах человека, но именно проявлением старшинства, старчества в Церкви.

Еще один из признаков подлинного старчества — постоянная жертвенная открытость к людям. О. Таврион был одним из тех немногих сколь-либо известных и значительных людей в церкви, которые в то время не боялись принять любого человека, если он действительно нуждался в беседе и духовном общении с ними. Еще были о. Виталий Боровой, о. Всеволод Шпиллер, о. Иоанн Крестянкин (именно поэтому эти четыре человека были для меня учителями). Все они — по-своему вдохновенные люди, все они часто вырывались из тех оков, в которые их пытались заковать. Но настоящим проповедником христианской свободы даже среди них был о. Таврион. Этим объясняется то, почему он так свободно служил Евхаристию. Это шло изнутри, из самой этой свободы как дара свыше. Поэтому он никогда ничего не нарушал и не разрушал, несмотря на то, что было много вещей, которые в его жизни и церковной практике не были общепринятыми. И именно поэтому он, его жизнь, его опыт и его дух вдохновляли и вдохновляют так много верующих людей.

Сегодня все больше отдалается от нас время исповедничества и мученичества Русской церкви, и живой опыт тех, кто страданиями мог засвидетельствовать свою веру, начинает меркнуть в нашей памяти. Наверное, иногда нам даже не очень хочется помнить их, потому что это обязывает нас к чему-то, что тяжело и страшно взять на себя. Нам жалко оторвать от себя даже излишек и избыток, и память о тех, кто отдавал свою жизнь, невольно становится нам упреком. И может быть, именно поэтому для нас так важно восстановить эту связь сегодняшней жизни церкви с опытом самых близких к нам по времени святых.

НЕИЗВЕСТНЫЙ АФАНАСЬЕВ

В издательстве СФИ вышла в свет книга “Церковные соборы и их происхождение”

С выходом в свет книги протопресв. Николая Афанасьева “Церковные соборы и их происхождение” столь неоправданно затянувшуюся публикацию наследия выдающегося православного церковного историка и богослова можно считать в общем завершенной. Исчерпывающее издание трудов о. Николая остается делом будущего, кое-что из его архива все еще ждет публикации, что-то опубликовано только на иностранных языках. Но тем не менее основной корпус текстов теперь стал доступен читателю. “Церковным соборам”, одной из

рого Ватиканского собора). Почему же на родину наследие о. Николая возвращается из изгнания позже других? (Именно “возвращается”, несовершенный вид глагола здесь очень уместен: публикация трудов — лишь необходимое условие для начала осмысления творчества ученого.) “Это явилось следствием нескольких причин, — отвечает профессор-протопресвитер Виталий Боровой. — Во-первых, личная скромность и незаметный стиль кабинетно-профессорского трудолюбия о. Николая, который, будучи всецело предан своему при-

церковных соборов под руководством профессора А.П. Добротворского. Уже в эти годы (1925–1929) в работах Афанасьева намечаются интересные его темы: природа и происхождение церковных соборов, право в церкви, церковь и государственная власть. Проявляется и интерес к догматике, связавший его с о. Сергием Булгаковым. После переезда в Париж в 1930 г. Афанасьев становится преподавателем Свято-Сергиевского богословского института и под влиянием о. Сергия делает первые шаги в сторону разработки “евхаристической экклези-

(Зизиюлас). Но тем самым, эта концепция, как всякая система, — замкнута, непроницаема; очень характерно, что главная книга Афанасьева (историка и преподавателя канонического права) “Церковь Духа Святого” — не исторический труд, а богословский. Именно замкнутость богословской концепции привела к очевидной идеализации и схематизации некоторых построений “Церкви Духа Святого”, которые, однако, ничуть не уменьшают ценности открытий о. Николая, но лишь настойчивее требуют их критического осмысления, активной рецепции, а не пассивного принятия к сведению. В этих условиях книга об истории церковных соборов приобретает особую ценность. В ней — характерным образом незавершенной, ибо еще не разработана обобщающая богословская концепция, — мы можем своими глазами увидеть кропотливый процесс исторического исследования первых веков жизни церкви, приведший автора к последующим открытиям.

Сегодня все чаще звучат голоса об актуальности самоосмысления церкви по окончании т.н. “константиновского” периода ее истории. В “Церковных соборах” показан первый и очень важный сдвиг во внутренней жизни церкви, сдвиг, подготовивший “константиновский” период и сделавший его возможным. Говоря о возрождении церкви, важно избавиться от иллюзий о “константиновском” периоде как результате всецело внешнего воздействия, насилия над церковью. “Церковные соборы” показывают, что названный сдвиг, а именно — вторжение принципа права и административных отношений на место “власти Любви”, начал готовиться задолго до Константина в спорах о самой природе Церкви и был, до известной степени, неизбежным.

Без ясного осознания этого, между прочим, трудно в полной мере понять “Церковь Духа Святого”, где этот факт рассматривается, как нечто самоочевидное и давно доказанное. “Церковные соборы” ставят все на свои места, восстанавливая цепочку рассуждений автора, очевидную для него, но не всегда для его читателей. Именно в свете этого исторического исследования открытие “евхаристической экклезиологии” в полной мере предстает перед нами не как некая новая система, новое учение, но как старое, всегда существовавшее в опыте Церкви знание, которое оказывается более животворящим и обновляющим, нежели новейшие системы и открытия.

Наблюдая эволюцию взглядов о. Николая, оказывается возможным полнее, а главное, творчески осмыслить его наследие, относясь к нему не как к памятнику мысли, но как к “живому преданию”, двигаясь дальше и ставя новые вопросы. Публикация книги “Церковные соборы и их происхождение” позволяет встать на этот путь.

Николай Эппле

Протопресвитер Григорий Ломако, протопресвитер Николай Афанасьев, архимандрит Киприан (Керн)

самых ранних книг Афанасьева, принадлежит в этом корпусе особое место.

Протопресв. Николай Афанасьев (1893–1966) входил в число ученых, работавших в Свято-Сергиевском богословском институте в Париже. Его творчество, синтезируя достижения учителей и передавая эстафету преемникам, иллюстрирует срединный этап русского богословия XX в. Непосредственный ученик прот. Сергия Булгакова, он наследовал вдохновенным прозрениям первого поколения русского парижского богословия, к которому принадлежали также прот. Василий Зеньковский, А.В. Карташев, архим. Киприан (Керн), еп. Кассиан (Безобразов), И.А. Ильин, Н.О. Лосский, прот. Георгий Флоровский, С.Л. Франк, Г.П. Федотов, наконец, Н.А. Бердяев. Среди учеников о. Николая — такие выдающиеся богословы, как протопресв. Иоанн Мейендорф и протопресв. Александр Шмеман. Творчество упомянутых мыслителей уже прочно вошло в современный научный обиход, подверглось, используя возрождаемое Афанасьевым понятие церковного права, академической “рецепции”. Его собственные работы находят сейчас больший отклик на Западе, в частности, в католической мысли (напомним, что признание католическими богословами важности разработки “евхаристической экклезиологии” выразилось в приглашении о. Николая в качестве наблюдателя на заседания Вто-

званию исследователя и эрудита, спокойно и непрерывно трудился даже в самое тяжелое для себя, для науки и для Церкви время эмиграционного неустойчивости. Да, он был спокойным, даже слишком спокойным человеком. <...> Во-вторых (и, может быть, это самая важная причина), его исследования касались внутренней жизни Церкви, а ее внутренняя жизнь всегда консервативна. Она течет обычным, установившимся столетиями ручьем, а потому не слишком обращается внимание на привычные для всех темы, даже если подход к ним — новый и решение предлагается не трафаретное, а очень полезное для обновления Церкви, как было у о. Николая. Более обращает на себя внимание и вызывает интерес общественности то, что необычно, что может быть понято как проявление новой системы в богословии и философии. <...> Богословское наследие о. Николая по своей тематике и новому подходу к решению многих трудных вопросов внутренней жизни Церкви для нас в настоящее время является необычайно важным и актуальным”.

История создания книги по своему драматизму соответствует беспокойному времени, на фоне которого она разворачивалась. После окончания богословского факультета Белградского университета в 1925 г., преподавая в гимназии в Скопье, Николай Николаевич Афанасьев начал заниматься историей

ологии”. В 1936 г. Афанасьев едет в командировку в Лондон и Оксфорд, специально для работы на тему о происхождении церковных соборов. В 1936–1938 гг. создается первая часть труда “Церковные соборы и их происхождение”. Для продолжения работы Афанасьев отправляется в командировку в Рим, но в условиях начала войны не достигает цели своей поездки. Боясь потерять рукопись при осмотре на границе, он оставляет ее на хранение в Швейцарии; эта рукопись снова окажется в его руках только после войны. В июле 1940 г. он оказывается в городке Сен-Рафаэль на юге Франции. По свидетельству жены и сына, здесь о. Николай создает вторую часть “Соборов”, здесь же начинается работа над новой книгой, той, что перерастет позже в “Церковь Духа Святого”.

“Соборы” — историческая книга в отличие от “Церкви Духа Святого”. Отец Николай ярчайшим образом являет тип мыслителя-однотупа, сводящего все свои знания в единую систему, в категориях которой рассматривается всякий вновь попадающий в поле зрения факт или концепция. Нашував свою концепцию “евхаристической экклезиологии”, Афанасьев впоследствии отдавал все силы рассмотрению тех или иных фактов истории и современной жизни Церкви в свете этой экклезиологии. Именно эту линию продолжают современные богословы, например митрополит Иоанн

В течение всего одного месяца удивительным образом встретились три даты, связанные с теми, кто вспоминается на этих двух страницах.

13 августа исполнилось 25 лет со дня кончины архимандрита Тавриона (Батозского), 5 сентября — 25 лет со дня кончины митрополита Никодима (Ротова). 4 сентября исполнилось 110 лет протопресвитеру Николаю Афанасьеву.

Как странно внешние совпадения могут следовать за внутренней связью тех, кого объединило стремление поставить в центр жизни церкви Трапезу Господню...

Как в редчайших случаях бывает природный абсолютный музыкальный слух, так у Аверинцева был и есть абсолютный мистический слух. Поэтому всем нам надо его читать, поэтому с ним надо общаться, поэтому и дальше надо искать таких людей. И все-таки он — единственный такой человек, я других таких людей за всю свою жизнь не знал — из живущих. Такой же абсолютный мистический слух был у Бердяева и близко к этому у константинопольского ему Булгакова, но они — люди другого поколения. Такой же абсолютный мистический слух был, скажем, у апостола Павла. И вообще можно назвать очень немногих имен тех, о ком уверенно можно сказать, что Господь им дал такой дар. Я думаю, что бывают целые поколения, когда не найдется по всей земле ни одного человека, имеющего этот редчайший дар.

Что такое абсолютный мистический слух? Это значит, что обладающий им человек — пророк. Как нам общаться с тем, кто спокойно говорит: «Так говорит Господь»? А вот как с Аверинцевым, хотя это и страшно, и трепетно, и в то же время ужасно, потому что ты как на Суде, ты понимаешь, что он все понимает, что он все видит, что и Господь через него не только все видит и слышит о тебе, но тебе еще и говорит всё обо всём.

Дары пророчества есть у каждого христианина, но эти дары оказались у нас с вами не на первом месте. Чаще всего они у людей даже полностью подавлены из-за их гордости, хотя есть много и других грехов, которые вообще убивают мистический слух, не только абсолютный, но и относительный. Как новорожденный младенец, который всегда кричит очень громко и ясно в своей тональности, имеет и слух, и голос, но потом, быстро вырастая, теряет и то, и другое — вот так часто и мы. Когда мы еще духовные младенцы, мы часто подаем какие-то надежды, но потом — потом мы задавливаем эти качества и теряем мистический слух, и становимся исполнителями каких-то жизненных императивов, каких-то парадигм, уже найденных нами (или чаще не нами) прежде. А мистический слух — это то, что схватывает сразу, налету, всё новое, всё, что от Бога и к Богу, ему не нужно терять время на адаптацию и не нужны посредники.

Поэтому так важно для нас общение с Сергеем Сергеевичем. Я думаю, что оно всегда будет продолжаться, что бы ни случилось в земной судьбе с ним или с нами. Вот это очень ценно.

Конечно, мы все сейчас думаем о Сергее Сергеевиче, каждый день молимся о нем, потому что его школа духовной жизни, познания и пророчества для нас неизмеримо важна. Апостольство

повториться не может, эта страница истории церкви давно закрыта. А следующий за ним по достоинству дар — это пророчество, и оно повторяется в современных людях может. Никто из нас никогда не сможет встать вровень с апостолами, а вот поставить перед собой задачу раскрыть свой пророческий дар мы можем. Но для этого нужна школа пророков, как это бывало еще в Ветхом Завете. И поэтому мы боремся за свободное слово, за то, чтобы его слышали и другие. У нас это очень плохо получается, потому что мы часто боимся собственной тени и всех обстоятельств вокруг. Но мы должны продолжать бороться. Аверинцев в этом смысле для нас как учитель.

Это не означает, что любое его слово безошибочно. Мистический слух, даже абсолютный, не означает безошибочности любой мысли, любого поступка, любого слова. Но никакой папа Римский не может быть столь безошибочен, как человек, имеющий абсолютный мистический слух. Если бы мы это понимали, то мы, наверное, многое бы в жизни делали по-другому, в том числе в нашем институте. Потому что мы накопили за последние пятнадцать лет буквально сокровища, но часто сидим на них, как скупой рыцарь, и совсем не думаем о том, что это — пища для голодных, покров для раздетых и бездомных.

Было бы очень неплохо, если бы мы с вами могли научиться размышлять о том дне, в котором живем, совершенно адекватно. Как и о том, что нам открывает Господь сейчас, здесь и сейчас, как теперь говорят, и что это требует от нас? Но узнать это можно только тогда, когда мы готовы это исполнить. Если мы не будем готовы исполнять Божье слово, открывающееся нам, то для нас это будет тяжелейший грех, близкий к смертному. Поэтому иногда лучше для нас блаженное детское неведение, иногда лучше не понимать, что творится вокруг нас и внутри нас, в церкви и в мире, чем знать это откровение и не исполнять. Когда мы его не исполняем, ничего не понимаем, ничего не зная, это одно, когда же мы что-то знаем и понимаем, но не исполняем — это уже другое.

Я хотел бы всем нам пожелать открытости к Слову Божьему и Духу Божьему, бесстрашия, умения ценить те величайшие ценности, которые Господь нам давал и дает, умения благодарить за это и главное — учиться от этого, входить в эту жизнь, в этот опыт, в эту реальность. Без этого мы не исполним своего призвания ни в нашей работе, ни в нашем послушании, ни в нашем служении.

Из слова свящ. Георгия Кочеткова на праздничной трапезе сотрудников и преподавателей СФИ 28 августа 2003 года

ВЕРА — ДИАЛОГ — ОБЩЕНИЕ

24-26 сентября в Москве пройдет
XIII международная научно-богословская конференция

Конференции Свято-Филаретовского института проводятся с 1991 г. Почти все время, что существует СФИ (а в этом году он отмечает свое пятидесятилетие) каждую осень со всего мира собираются богословы и светские ученые, чтобы поделиться опытом, в живом общении друг с другом обсудить наиболее важные вопросы. Это никогда не превращается в благостно-парадное мероприятие именно потому, что в центре каждый раз стоит большая и острая проблема, будь то вопрос языка Церкви или места и роли личности в церкви и современном обществе, духовных движений или церковного предания. Постепенно в число учредителей конференции вошел журнал «Вестник РХД», а потом — Институт человека РАН. Сотрудничество оказалось очень плодотворным, и, раз начавшись, уже не прекращалось. Во всех конференциях участвовал и еще один негласный и «неофициальный» учредитель — акад. С.С. Аверинцев. Как бы он ни был занят, все эти годы он всегда вносил свою лепту в продумывание очередной темы, в подготовку конференции и никогда не пропускал ее открытия. В этом году тяжелейшая болезнь впервые не даст ему возможности приехать в Москву. Он, как всегда, очень хотел выступить с докладом, продумывал его возможную тематику. Сегодня мы публикуем его краткие размышления среди прозвучавших во время обсуждения будущей конференции реплик соучредителей — главного редактора журнала «Вестник РХД» Н.А. Струве, директора Института человека РАН О.И. Генисаретского. Здесь же, на этой странице, посвященной открывающейся в дни выхода этого номера конференции «Вера — диалог — общение» мы публикуем отрывок из краткого слова главного организатора конференции, ректора СФИ свящ. Георгия Кочеткова, с которым он обратился к сотрудникам Свято-Филаретовского института на праздничной трапезе в день Успения Пресвятой Богородицы. Нам хотелось бы, чтобы это слово стало для всех наших читателей знаком того, что никакие жизненные обстоятельства не могут помешать глубокой связи людей, живущих в церкви вместе.

С.С. Аверинцев. Мне кажется важным, чтобы было несколько докладов исторического содержания. Тут есть целый ряд вопросов, которые очень важны. В первую очередь, что эта тема — не новейшая либеральная выкладка, что во времена, когда все было очень сурово и когда не было таких слов, как «открытость», диалог был просто потому, что он — необходимое условие мысли, и люди, которые желали мыслить, не могли вести себя иначе, чем они себя вели, когда католические схоласты непременно учили, что сказал еврейский мыслитель ибн Гибероль, когда евреи переводили выбранные места из Фомы Аквинского, свт. Дмитрий Ростовский читал и отчасти переводил католиков и так далее. Все это были люди, которые знали, что такое мысль, и знали, что для напряжения их собственной мысли, остающейся верной их конфессиональной идентичности, они должны осуществлять то, что мы сейчас называем диалогом. Это, кроме всего прочего, ответ людям, которые сказали бы, что все это новейшие штучки.

Одновременно это, по-моему, корректив к сентиментализации понятия диалога. Все-таки самое первое — необходимость различать два вопроса: христианам ве-

лено любить, и нет никаких одобрений к конфессиональным погромам, еврейским погромам и так далее. Несомненно, это настолько очевидно, что об этом много говорить не стоит. Но, с другой стороны, даже несколько обидно для нашего собеседника, если мы скажем, что мы вступаем в диалог, так сказать, из добрых чувств к нему. Совсем нет, это необходимость нашего собственного интеллектуального существования, а для верующего человека — духовно-интеллектуального, религиозно-интеллектуального. Иначе дело не идет, иначе невозможно. На коллоквиуме The Council of Europe я говорил, что призывы к любви — это правильно, никакой христианин не может ничего против них возразить, но не надо сентиментализировать понятие диалога, а надо сохранить за ним интеллектуальную строгость. Кроме того, я говорил там о таких примерах из прошлого, но на этот раз из недавнего прошлого, как дружба Пеги с его еврейским другом, очень ангажированным человеком. Я говорил, что когда такой пламенный француз и пламенный христианин, как Шарль Пеги, дружит с таким пламенным евреем — это совсем не то, что дружба так называемого христи-

анина с так называемым футуристом или так называемым представителем той или иной нации.

Я, наверное, выбрал бы для доклада названного свт. Дмитрия Ростовского и говорил бы о том, как он перерабатывал католические тексты, иногда не меняя ничего вероучительного, но придавая очень ощутимый православный стиль тексту и при этом сохраняя самое серьезное внимание к тому, что дает подлинник, самое серьезное вникание.

Я думаю, что и этой одной темы вполне хватило бы на доклад, — но можно было бы построить его в двух различных направлениях, сначала как цивилизация латинского Запада перерабатывала православный акафист Богородице (опять-таки, не меняя ничего вероучительного, но приспособляя к своему стилю) и как, напротив, православный свт. Дмитрий Ростовский переделывал, скажем, молитву Анимо Кристи, которая такая прямолинейная по-латыни и которая становится гораздо более иконной в его переработке. Но, может быть, я попробовал бы предложить и еще более общую формулировку: диалог в эпохи, не знавшие этого понятия в нынешнем смысле.

«Христос не ответил, потому что истина экзистенциальна по своей природе, а потому — диалогична. Поэтому сегодняшнее отсутствие диалога внутри церкви (слава Богу, все-таки не повсеместное!) действительно явление угрожающее.

Диалог — это целая культура. Можно сказать даже, что диалог столь же необходим церкви, сколь он необходим культуре. Всякое падение культуры связано с исчезновением диалога, а церковь очень зависит от окружающей ее культуры, или, лучше сказать, составляющей ее культуры. У нас требования к церкви очень большие, это естественно, и поэтому в ней ярче всего проявляется падение культуры диалога, когда другого не хотят слушать.

Я вернулся к примеру Анны Андреевны Ахматовой, я об этом как раз недавно говорил в Костроме. Будучи тридцатилетним, я встречался, долго сидел с Ахматовой. Поразительная вещь: казалось бы, я должен был сидеть и слушать. И я сидел и слушал, но удивительно: она все время прислушивалась. Я почувствовал, что для нее общение — это диалог, и если нет диалога — нет общения. А от общения до общности и, вообще, до реальности — один шаг. Поэтому вне диалога, вне прислушивания к другому (но именно с тем, чтобы был диалог), не может быть истины и не может быть, на самом деле, реальности. И отсутствие диалога в церкви страшно именно тем, что от отсутствия диалога она лишается реальности.

О.И. Генисаретский. Очень важно не забыть тему предания. Потому что во всех контекстах национальный диалог — это детерминация, коммуникация приводит к смене традиции. Это всегда отталкивает. Как только по мере ослабления традиционных начал возникает все большая потребность в диалоге, выявление общего становится проблемой. Но вся наша эпоха развернулась в сторону

идентичности. Что проблематизируется в этом диалоге, что ищется?

... Диалог культур возможен хотя бы потому, что эти культуры к одному горизонту принадлежат. Возможность межцивилизационного диалога болезненна, проблематична, потому что это возможность какого-то рода синергии. Синергия, синергичность — это еще один из синонимов диалога. Это каса-

ется фундаментальных структур, таких, например, как языки или правовые системы. Языки как таковые не конвенцируемы в реальном времени, по крайней мере, хотя перевод возможен. Так же и в правовой системе есть что-то такое, что действительно представляет преткновение, что проблематично. Было бы важно хотя бы в одном общении высветить пределы диалога.

Тому, кто занят преподавательской деятельностью, приходится сталкиваться с разными вопросами аудитории. Нормальному преподавателю такие вопросы просто необходимы. Они, как правило, свидетельствуют об интересе к предмету, помогают наладить контакт и скорректировать изложение, и вообще, полезны. Но среди множества вопросов есть один, который никогда не доставляет радости. Звучит он примерно так: “А зачем нам всё это надо?”. После такого вопроса возникают невольные мысли о бессмысленности своей работы или, в лучшем случае, о собственной несостоятельности как преподавателя.

Спору нет, иногда подобное вопрошание оказывается естественной реакцией на преподавательские промахи. Однако нередко оно выражает нечто более глубокое: исходную установку учащихся, суть их отношения к образованию. Именно об этом я хочу поговорить.

Дело в том, что приведенный вопрос относится к категории риторических. В действительности он представляет собой не вопрос, а утверждение. Что именно утверждается, думаю, понятно. Задающий подобные вопросы более или менее ясно понял, чего ему нужно, и теперь готов уверенно фильтровать всю поступающую к нему ин-

что образование окажется для них весьма полезным инструментом. Здесь сразу же можно увидеть довольно серьезную опасность. Ведь остается сделать еще один шаг и сказать, что полезным инструментом является вообще-то даже не образование, а образованный человек. И такое убеждение для нашей страны вовсе не редкость.

Кажется, уже в петровскую эпоху в нашей стране обнаруживается довольно странный тип человека. Этот тип, с некоторой долей условности можно назвать “просвещенный раб”. В самом деле, с самого начала XVIII века в стране появляются образованные (по европейским стандартам) люди. Получив образование на Западе, они возвращаются в свое Отечество, чтобы приложить свои знания к некоторой полезной деятельности. Интересно, однако, что само образование (несомненно, выделяющее их на общем фоне) не особенно поднимает их в глазах соотечественников. Для последних гораздо важнее чин, богатство, близость ко двору. Те, кто облечен подобными достоинствами, даже будучи людьми практически безграмотными, могут смотреть на новоявленных европейцев свысока, унижать их, почитать подчас чем-то вроде лакеев. Естественно, что в строго иерархическом обществе важно социальное положение, а не ум и

Таковой оказывается революционная организация, партия, а, в конце концов, и новое государство. Последнее доводит описываемую ситуацию до крайности. Советская интеллигенция 20-40 годов — это государственные рабы уже в прямом смысле слова. Поразительно здесь то, что речь идет не о насильственном, а добровольном порабощении. Блестящие интеллектуалы самозабвенно трудились ради процветания варварской деспотической системы, видя в этом смысл собственной жизни. Причем выражение “смысл жизни” здесь следует понимать очень буквально. Государство требовало человека целиком, оно претендовало на него, как на свою собственность, и его наиболее образованные и творчески активные граждане с готовностью отдавали себя без остатка. Они служили системе, несмотря на то, что эта система создавала для них подчас чудовищные условия, унижала бессмысленными идеологическими придирками, лишала даже того минимума свободы слова и передвижения, который необходим для нормальной работы интеллектуала.

Довольно трудно ответить на вопрос о том, в какой мере описанный тип сохранился до нашего времени. Пронаблюдать его в современной России трудно, прежде всего, потому, что

условий жизни. Есть иная цель — соответствие определенному стандарту потребления. Этот стандарт достаточно жестко задается обществом. Такие вещи, как дорогой автомобиль или фешенебельный курорт маркируют социальный уровень и являются символами социального успеха. Комфорт или удовольствие, доставляемое дорогими вещами явно второстепенны.

В этой ситуации образование также носит сугубо инструментальный характер. Оно нужно не само по себе, а для достижения фиксированных целей. Содержание образования и получаемая квалификация не играют никакой роли. Не важно кем быть — адвокатом, менеджером или программистом. Важно, чтобы профессия обеспечивала средства, необходимые для достижения требуемого стандарта потребления. Здесь неожиданно обнаруживается сходство с первым подходом. Ориентация индивидуального образования и профессиональный выбор определяются не личными наклонностями, а извне предложенным стандартом. В первом случае это делает государство, во втором — общественная среда, подчиненная законам рынка. Сходство, однако, не ограничивается только этим. Человек вырабатывает инструментальное отношение не только к образованию, но, в конечном счете, и к самому себе. Свои

О ПОЛЬЗЕ И БЕСПОЛЕЗНОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ

формацию. Он знает, чему следует научиться, потому что образование нужно ему для вполне определенных целей. В принципе, не важно каких. Важно то, что само по себе знание никакой ценности не имеет. Оно — лишь инструмент для некоторой деятельности, к которой надлежит себя готовить.

Инструментальное отношение к образованию весьма популярно. Сейчас оно, по-видимому, распространено чрезвычайно, но и прежде не было редкостью. Более того, я убежден, что крайний прагматизм в этом вопросе имеет весьма глубокие корни. Поэтому интересно посмотреть на историю вопроса.

Об образовании в нашей стране говорят, почти не переставая, начиная со времен Петра I. За эти три столетия о нем успели позаботиться многие. Заботились о нем (практически постоянно) просвещенные государственные чиновники всех рангов, убежденные в том, что для процветания державы необходимы образованные кадры. Заботились о нем либерально настроенные дворяне (позже — интеллигенты), уверенные, что должный уровень образованности необходим для политических и социальных преобразований, поскольку пробудит в народе нравственность и чувство собственного достоинства. Заботились о нем разного рода революционеры, желавшие просветить угнетенные классы и тем самым подвигнуть их на революционную борьбу. В советское время о просвещении пеклись (кроме прочих) идеологи, пытавшиеся внедрением в общественное сознание “научного мировоззрения” укрепить власть партийной номенклатуры. Все они (и не только они — список, при желании можно продолжить) были вполне искренне преданы делу образования. Интересно, что цели перечисленных выше групп были не только различны, но часто прямо противоположны. Одни хотели укрепления державы, другие ее разрушения; одни жаждали гражданских свобод, другие — жесткого регламентирования общественной жизни. Но все были убеждены, что реализации своих намерений они достигнут благодаря образованию. Их, несомненно, сближает уверенность в том,

Альбрехт Дюрер. Святой Иероним.

образование, но дело не только в этом. Дело еще и в том, что сколь бы образован ни был человек, он остается слугой системы, можно даже сказать — ее собственностью. Его образование и ум принадлежат государству, и высокопоставленный государственный чиновник может распоряжаться ими по своему усмотрению. Такой человек и сам смотрит на себя как на своего рода инструмент. Его извлекли из безвестности, выучили, а теперь используют. Следует обратить внимание на тот факт, что, по обоюдному убеждению, знание и образование не имеют смысла сами по себе, а всегда нужны для чего-то. В данном же случае и сам носитель знания, образованный человек сам по себе не интересен. Интересно лишь то дело, ради которого он может быть использован.

Подобное сознание полной преданности делу очень характерно для образованного человека в России. Причем дело понимается преимущественно как государственное. Во второй половине XIX века у некоторой части образованной публики только менялся знак: служение состоит теперь не в укреплении государства, а в его разрушении. Не замедляет явиться на свет и новая система, элементом и инструментом которой видят себя эти люди.

государство отказалось от тотальных притязаний. С другой стороны, он не мог исчезнуть просто так. Во всяком случае, убежденность в том, что просвещение — дело исключительно государственное, в немалой степени связана с описанным выше умонастроением. Состоит оно, говоря коротко, в том, что образование ни при каких условиях не должно быть частным делом, поскольку есть способ приспособления людей к государственным нуждам. Думаю, что сейчас существует достаточно идеологов и практиков такого рода просвещения. Им, конечно, трудно существовать без тотальной идеологии или, хотя бы, без явно провозглашенных задач общенационального характера. Отсюда, наверное, и тоска по “национальной идее”.

Сейчас, однако, распространен иной подход к образованию. Он не просто отличается от только что описанного, но даже враждебен ему. Ориентирован он как раз на удовлетворение частных интересов. Схема отношения к образованию в данном случае чрезвычайно проста: оно нужно для того, чтобы зарабатывать много денег. На него существует немалый спрос и соответственно спросу формируется внушительный рынок образовательных услуг. Здесь неуместны слова о служении, общенациональных задачах и прочих абстрактных формулах. Речь может идти только о личном успехе. Интересен такой вопрос: если первый тип просвещения делал из человека просвещенного раба (в прямом или переносном смысле), то формирует ли второй тип свободного человека? На первый взгляд — сомнительно. Впрочем, дело заслуживает более серьезного исследования. Не будучи в состоянии проводить его в рамках настоящего текста, я хочу лишь обратить внимание на то, что со стереотипной идеей этого второго типа просвещения — зарабатывание денег — дело обстоит не так просто. Трудно представить себе человека, который зарабатывает деньги ради самих денег. Их зарабатывают, чтобы тратить. Иными словами, целью является в данном случае определенный уровень потребления. Важно то, что задача, как правило, состоит вовсе не в обеспечении себе и своей семье хороших

умственные способности, черты характера, внешность он рассматривает как средства достижения заданных социальных целей. Человек отдает себя целиком социуму, полностью посвящает свою жизнь решению задач, навязанных ему внешними условиями.

К несчастью, тот вопрос, с которого мы начали наш разговор, часто задается именно тогда, когда человек начинает формировать (*образовывать*) себя именно в этом качестве. Он уже определил свое возможное место в обществе и превращает себя в некоторую функцию общественных потребностей. Вопрос “для чего мне нужны эти знания?” может легко превратиться в вопрос “Для чего нужен я?”.

Прискорбно то, что эти подходы к образованию и к образованному человеку, выработанные в чисто секулярных условиях, распространены и в духовном образовании. Здесь всё сложнее. Кажется ведь нечего возразить, когда говорят, что образование в этом случае есть средство для служения Богу и Церкви. А потому — долой всё лишнее? Не стоит загружать голову вещами, не имеющими прямого отношения к моему служению. Однако второе отнюдь не следует из первого. Если образование есть средство для служения Богу, то — как раз поэтому — его нельзя урезать до минимума, к нему нельзя подходить утилитарно. Поступая так, мы переносим в церковную жизнь светские стандарты. То, что верно для служения государству, обществу или самому себе, неверно, когда речь идет о служении Богу. То, что является средством для служения Богу, неизменно оказывается ценно и само по себе. Человек, превращающий себя в инструмент для государства или для индивидуального успеха, теряет себя и перестает быть личностью. Человек, сделавший себя средством для служения Богу, обретает себя и становится личностью. Об образовании следует сказать то же самое. В рамках церковного служения оно ценно само по себе. Чтобы служить Богу, нужно быть образованным человеком. Ведь образованный человек всё будет делать лучше необразованного, кем бы он ни оказался: певчим, катехизатором или епископом.

Григорий ГУТНЕР

— Людмила, Вы являетесь автором многих пьес, идущих в Вашем театре. Театр духовной драмы, которому исполнилось в этом году восемь лет, многие называют авторским.

— Существует ведь авторский кинематограф. Почему бы не родиться и авторскому театру? То, что предлагает нам мировая драматургия, не всегда вполне отражает то, что «болит» в нашей сегодняшней жизни.

— Как рождаются пьесы и спектакли?

— По-разному: то неправдоподобно мгновенно, то мучительно долго, со страшным «токсикозом». За каждым спектаклем стоит его маленькая тайна.

— Бываете ли Вы довольны результа-

со-бытия. Конечно же, у нас особый зритель — лучший в мире, и Бог, взаимодействуя с ним, дает каждому по мере его открытости и готовности принять.

— Вы существуете под двумя названиями — Театр духовной драмы и Лаборатория христианского искусства. Что это значит?

— Лаборатория — это маленькое про-

Мы все надеемся и верим, что театру «Пилигрим» предстоит долгая жизнь.

Когда все хорошо, то, вы знаете, что все складывается, с небес спускаются ангелы в виде священников, и импровизированные спектакли удаются, потому что есть не просто вдохновение — на вдохновении можно долго жить, но можно и сгореть совсем. А вот когда люди горят к Богу — в них как раз сгорает то, что должно сгореть, а выявляется то, что вечно. И тогда действительно как бы открываются глаза, и мы начинаем видеть, что в обычной ситуации не очень видим. Мы начинаем видеть свои пути — куда идти, откуда мы. Но раз увидев, это нельзя запомнить, потому что видеть и помнить это можно только в особом благодатном состоянии.

Вот я и желаю вам, чтобы все остатки вашего земного вдохновения поскорей сгорели, чтобы вдохновение ваше было таким, в котором мы видим Бога, Человека, Мир Божий, Церковь — все с большой буквы.

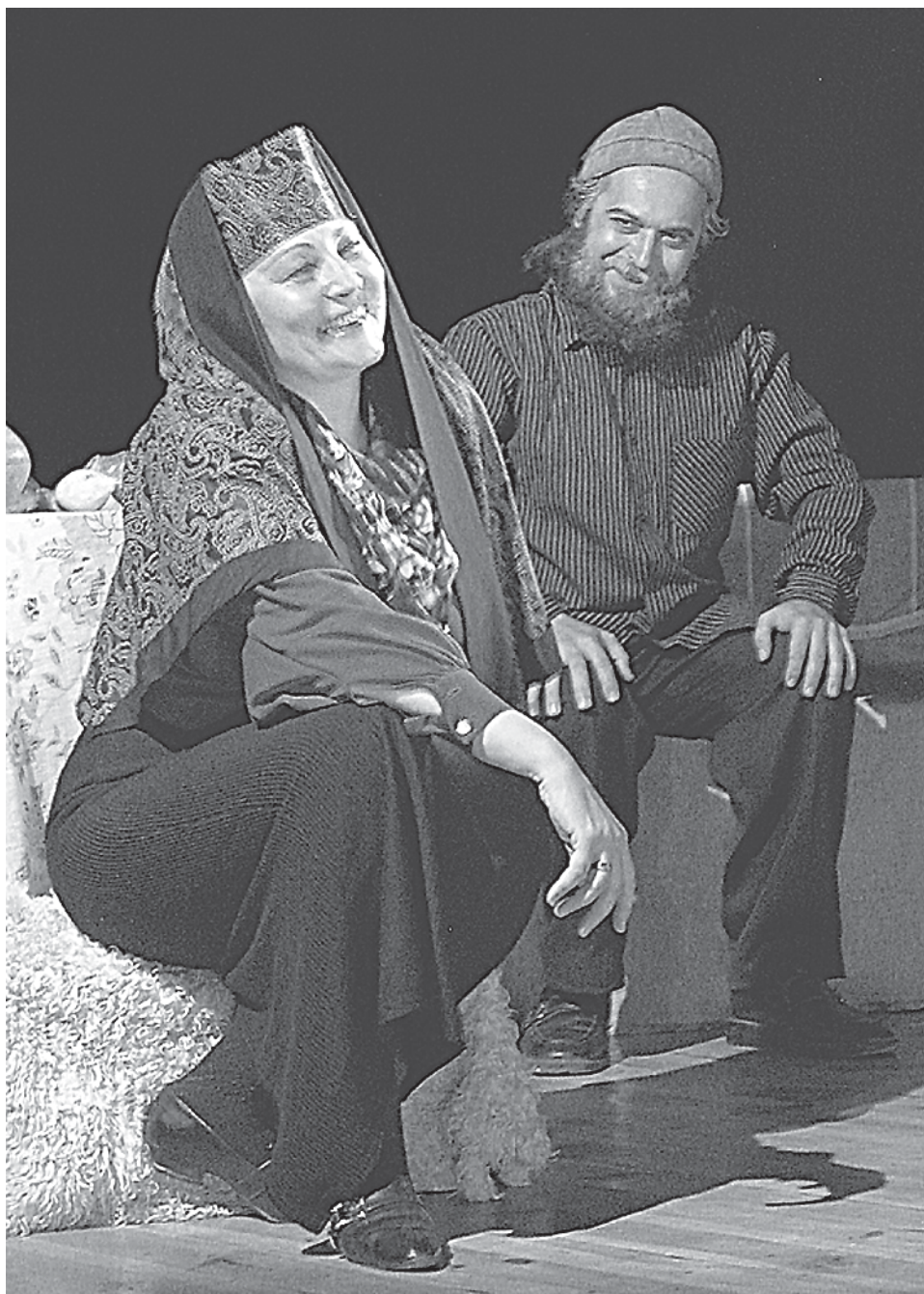
Александр Копировский, искусствовед, преподаватель церковной археологии

тами?

— Никогда. Это все равно, что писать Сикстинскую Мадонну угольком по асфальту, или даже рублевскую Троицу — таков уровень несоответствия видимого внутренним взором и действительного. Но чудо состоит в том, что через те несовершенные рисунки, каковыми являются наши спектакли, зрители переживают встречу с живым Богом и находят разрешение своих глубинных противоречий, отделяющих человека от Бога. Пусть это длится всего несколько мгновений, но люди свидетельствуют о потрясении и глубине переживания этого

странство, прежде всего внутреннее, где проводится ответственный и рискованный эксперимент. Это место, где случайное, вне послушания Богу «нажатие кнопки», грозит взрывом. Поэтому условия ведения этого поиска крестны и при этом удивительно благодатны. Христианское искусство, если понимать его не как просто идеологическое, требует сегодня именно такого теоретического и практического поиска через предельное послушание Богу.

Задачи Лаборатории больше, чем задачи театра. Это и собрание во Христе художников, ищущих Бога, поиски пу-

Сцена из спектакля «Дорогой Гоги». В ролях Владимир и Людмила Мезенцевы

ТЕАТР ДУХОВНОЙ ДРАМЫ

На восьмилетнем юбилее театра духовной драмы. Владимир и Людмила Мезенцевы

тей их воцерковления (надо сказать, что это наиболее трудная для воцерковления категория людей, по целому ряду духовных и профессионально-психологических особенностей). Это и осмысление этических, аскетических и мистических принципов жизни людей, призванных к сотворчеству с Богом именно в этой сфере. Совсем непросто от самовыражения прийти к Боговыражению — это узкий путь.

— Почему именно Театр духовной драмы?

— В мире существует много драм — социальных, исторических, психологических, семейных, личных, даже историко-церковных. Но все они рождены единой драмой доисторической — отпадения человека от Бога. Театр пытается раскрыть эту драму и пути ее преодоления со Христом и во Христе. Но при этом

— Не думаю, что от этого стало бы легче. Это явило бы необходимость освоения новой для нашего театра эстетики, предельной аскетичности в изобилии. Это была бы новая по масштабу и глубине задача, и мы должны быть внутренне готовы к ее решению, но для этого нужен и новый уровень восприятия Христа и приобщения к Ем, большая свобода Его действия, не стесняемая нашими грехами, страхами, недоверием и прочим. К тому же большая актерская труппа, о которой Вы спросили, должна родиться как церковная община и быть способной жить по законам общины. Пока же театр переживает глубочайший духовный кризис и, если Бог даст выжить, то в октябре по вторникам на Петровских линиях мы откроем свой новый театральный сезон премьерой.

Меня всегда удивляло — как свободны эти люди, которые могут сначала назначить дату спектакля и пригласить публику, а потом начать этот спектакль ставить. Это меня всегда не только удивляло, но и восхищало. Я до сих пор завидую той свободе, тому божественному безумию, которое одно только и дает возможность выйти на эту сцену и произнести на ней Слово. Театр «Пилигрим» прекрасен этой своей уникальной способностью рождать любовь. Это особый дар. Потому что, чтобы любовь родилась — нужно достигнуть той глубины и той высоты в людях, того единственно живого и святого места, которое не подвержено греху. В каждом человеке есть некий центр, греху неподверженный, но он обычно в человеке закрыт, и достигнуть его очень сложно. К нему нужно подняться (или спуститься, глубина и высота здесь сходятся). И вы те люди, которые это умеют делать. Какой благодарю — Бог весть...

И именно поэтому театр «Пилигрим» — это Театр духовной драмы. И дай вам Бог всегда оставаться такими же ошеломляющими, такими же ни на кого не похожими, какие вы есть.

Ирина Преображенская

мы избегаем «поминания имени Божьего все» и, уж тем более, приведения всего к некоей идеологической схеме.

— Каковы физические условия существования вашего театра?

— Приходится творить «из ничего», без ничего и даже в «нигде». Мы не имеем по-прежнему ни помещения, ни спонсоров, ни репетиционной площадки. В этих условиях можно выжить лишь чудом, но расти и развиваться невозможно. Хотя есть, конечно, и рост, и развитие, но только вглубь, без нарастания физической массы.

— А если бы у вас вдруг все обрелось — помещение, техника, большая труппа актеров, средства?

— Что это будет?

— Опять же, если Бог даст, это будет спектакль «Жанна Д'Арк» по документальным материалам судебного процесса.

— Чем это актуально сегодня?

— Проблема гонений святых внутри церкви не только в Средние века и времена инквизиции, но на протяжении всего ее исторического пути — проблема сложнейшая, острейшая и требующая не только богословского, но и художественного осмысления. Предположительно, 7 октября в 19.30 — состоится прогон на зрителя, 14, 21, 28 — премьерные спектакли, но это все пока под большим вопросом. Мы просим Ваших молитв.

Ирина Мейке, многие годы проработавшая врачом-онкологом в клинике Ташкентского мединститута, в последние годы живет вместе со своей многочисленной семьей в Финляндии. О том, что именно она была лечащим врачом Солженицына в 1954 году, в Ташкенте никто не знал и не помнил. Да и здесь об этом узнали совсем недавно. Мы публикуем выдержки из записанной корреспондентом «Кифы» беседы Ирины Мейке с группой паломников из России.

У нас была самая лучшая клиника. Мы, врачи, периодически перемещались из одного отделения в другое, по три месяца в каждом, и так понемногу обучались всему, абсолютно всему, становились такими же, как наши учителя.

В одно из дежурств меня вызывает медсестра и говорит, что поступил тяжелый больной. Нашим больным было негде приютиться, они ждали в очереди на улице, под дождем. И вот вечером они собирались в маленьком вестибюльчике и там ночевали на полу, на скамейках —

Ирина Мейке с письмом Солженицына

Наверное, мало кто из нас хорошо представляет себе, что значила в пятьдесят четвертом году для сестры «врага народа» жалость к ссыльному офицеру, бывшему лагернику. Не к великому писателю, не к голосу правды, призванному разрушить казавшиеся незыблемыми стены трусливой лжи и лицемерия, а просто к несчастному человеку, чьи страдания превысили всякую мыслимую меру. Мы отвыкли даже от отголосков того страха, который старшие из нас еще застали, а младшие знают только понаслышке.

И все-таки, мне кажется, мы не можем не чувствовать благодарного удивления перед тем, как среди этого подавляющего страха свет и тепло человеческой души не устали создавать то пространство, в котором только и может совершиться чудо.

“ВРАЧУ МОЕМУ, ПОМЕШАВШЕЙ МНЕ УМЕРЕТЬ...”

Воспоминания героини “Ракового корпуса”

знаете, бывают такие парковые скамьи. Я вышла посмотреть на новых больных, еще не зачисленных в клинику, и увидела этого тяжелого больного, к которому меня вызвали. Это был относительно молодой человек (тридцати пяти лет, как я потом узнала), высокого роста, в заплатанной шинельке, с маленьким военным таким же заплатанным рюкзаком. Свернувшись, он лежал на полу; был сильный дождь, он был весь промокший. Скамейки были заняты, а в нашем рентгеновском коридоре, доступ в который был закрыт, тоже были скамейки, и на них можно было лежать. И я распорядилась, чтобы его туда поместили и дали какой-то матрасик. Он этот момент потом надолго запомнил, а я, конечно, обо всем этом забыла.

Он мне показал документ, что его нельзя никуда выгнать, потому что он ссыльный человек, приехал из Казахстана и находится под наблюдением КГБ. И КГБ ему дал разрешение только на 24 часа, хотя дорога из его селения, места ссылки, длинная. Поэтому он сказал: «Я никуда не уйду. Делайте со мной, что хотите, иначе я лечиться не буду». А боли у него были сильные, живот был нафарширован опухолями. Выяснилось, что завтра ему будет место. Моя заведующая отделением, мой учитель, уже его осмотрела и распорядилась, чтобы место было готово. Назавтра он поступил к нам в отделение, где я была лечащим врачом. Вот так мы с ним общались те несколько месяцев, что он у нас был.

Он трудно принимал лечение, но оно ему было очень полезно, процесс улучшался. Все, что могла, я для него делала, как и для других больных: выписывала дополнительные пайки — сливочное масло, молоко, какие-то еще продукты. Ему это как-то помогало. Ему очень много гулялось. Ташкентский мединститут располагался в бывших кадетских корпусах. Вокруг них был большой прекрасный парк, но весь запущенный после длительной войны. Весь этот парк он исходил вдоль и поперек. Когда санитарка вызывала его на лечение, она говорила: «Господи, да этого длинноного журавля — где же его искать?»

Мы не знали, каким он станет потом великим. Для нас он был просто офицер, получивший 10 лет за анекдот или какую-то фразу про Сталина в письме к другу и получивший ссылку в Казахское поселение. 10 лет лагерей, этого Божьего наказания, по-моему, совершенно достаточно пережить человеку. И вдруг на него сваливается второе страшное, страшное — раковая болезнь. Он сам пишет, что когда исчезла лагерная жизнь, и он попал на поселение, в это время свалилось такое, что нужно умереть, не

довершив написанное. Понимаете? Как это все пережить? Это не дай Бог никому. Мне было его как-то особенно жалко, и я к нему как-то особенно по-человечески относилась, он это чувствовал. Видимо, это и запомнилось ему, и мой образ вошел в один из образов врача в его книге «Раковый корпус».

Когда он выписался, мы больше о нем ничего не знали, только «непосредственный результат» (есть такое понятие у онкологов и рентгенологов). Он выздоровел: опухолей не было, он стал нормально кушать, боли в пояснице прошли. Мы как врачи оценили его состояние как хорошее. И долгое время мы его не видели.

И вот в 1963 году мы получаем от него письмо и бандероль — «Один день Ивана Денисовича». Это первая его книжка, которую он написал и которая Хрущевым была очень оценена. Она была выдвинута на государственную премию, но при обсуждении в писательском кругу не прошла. И мы его вспомнили. С 1954 года прошло 9 лет, мы о нем ничего не знали. Помнили только, что он ходил по клинике и что-то писал вот на таких маленьких клочочках. Что писал — мы не знали, думали, что он пишет на нас какую-то жалобу (как всегда, это было очень модно). А тут-то мы поняли, что он писатель и писал что-то свое, глубокомысленное, о чем мы не знали.

После этого началась переписка. Он нам написал, что очень помнит обо всех нас, помнит о том тяжелом времени, которое он провел у нас в клинике. Что он решил написать книгу обо всех нас и просил вспомнить все, что было, написать наши биографии. Я от написания биографии отказалась. Через шесть месяцев он сам мне прислал письмо: «Дорогая Ирина Емельяновна! Я понимаю, что Вам может быть не до того, но очень прошу Вас выделить время, совершить такой труд и помочь мне настоятельно написать о себе, может быть, даже не одно письмо, а несколько. Мне хочется, чтобы Вы или такой же человек, похожий на Вас, по Вашему желанию, можно ближе или дальше, ходил бы по моей девятой палате и улыбался Вашей приветливой улыбкой. Мне для этого надо знать все порядочно, а я ведь ничего не знаю. Если бы Вы могли уделить внимание и прислать». Это письмо было написано 28 марта 1963 года. И дальше я замолчала, как говорится, «ушла в подполье». А почему — теперь я могу сказать. У моих родителей было два ребенка — мой старший брат Иван и я. Он был строителем шоссе дорог, начальником управления. В 1937 году его арестовали и о его дальнейшей судьбе

мы ничего не знали до 1956 года. Когда его реабилитировали, мы узнали, что его расстреляли в 1938 году. И мы «закрылись», мы нигде никогда ничего не могли сказать. Я Александру Исаевичу по сегодняшний день не рассказала об этом, хотя теперь очень бы хотела, чтобы он узнал. Я не знала, что он пишет «ГУЛаг» и мне говорить о своей биографии было очень тяжело, и я этого сделать не смогла.

И вот 29 августа, то есть через полгода, он написал мне: «Простите меня, пожалуйста. Я хочу надеяться, что в Вашей семье ничего страшного не произошло и что Ваше молчание связано с тем, что я «требовал» от Вас элементов автобиографии или исповеди. Это, конечно, сделать нелегко. Простите Вы меня. Просьбу я свою снимаю, пусть над Вами не довлечет что-то несделанное, неисполненное и трудно неисполненное. Конечно, мне жаль, но у меня остается выход поставить другие известные мне жизни и характеры в ту обстановку и работу, в которой я наблюдал Вас. Замысел написать книгу остается. Самое главное в книге — предшествующее 1956 году».

Ну, и после этого он все время, пока писал, присылал нам главы из «Ракового корпуса». Я их смотрю, корректирую, Лидия Александровна (по книге Дунаева-Донцова) их корректирует. И в 1964 году он считает необходимым приехать в Ташкент, побывать в тех местах, где он лежал в больнице, где ходил по парку. В этот приезд он пришел к нам в семью и впервые познакомился с моим мужем, с моими детьми — Леночке уже было 15 лет, Алешеньке 10 лет. Он по два дня у каждого из нас — у меня, у Лидии Александровны и у хирурга Статниковой был за плечами, ходил, смотрел, все вспоминал, чтобы ему было легче написать.

Мы так и не получили этой книги. Я прочла ее только в 1989 году, случайно получив от друзей экземпляр парижского издания.

Мы знали, что после того приезда к нам у него был очень тяжелый период, его начали преследовать. Вы знаете, что его в 1974 году изгнали из Советского Союза, лишив гражданства за то, что он занимался «ГУЛагом» и почему-то за «Раковый корпус», хотя в нем ничего, я считаю, ничего политического не было. И вот перед этим временем, в 1973 году, он очень хотел с нами пообщаться.

Сам он не мог приехать, но к нам, в Ташкент ехал на гастроли Мстислав Ростропович, у которого в то время Александр Исаевич жил на даче. И он встретился с нами. Тут мы впервые увидели «Раковый корпус». Эта книга была из-

дана в Париже. Мы думали, что он нам его оставит, но он попросил нас дать автограф. Какой автограф, когда мы его не читали? «Нет-нет-нет! Мне нужен Ваш автограф!» Я уж не помню, что написала Лидия Александровна, а я написала: «Ни разу не видевшая и не прочитавшая эту книгу».

Он привез нам письмо. Надо сказать, что Александр Исаевич все время извинялся, что в этой книге мой образ как врача такой, какая я есть, а вот образ как женщины написан так, как ему было удобно как писателю. Так он мне и писал в своих письмах — у нас уже громкая переписка... Когда я впервые прочла книгу, Вы знаете, я расстроилась. Очень расстроилась. И вот в этом письме он пишет: «Кругом перед вами виноват и прошу прощения за то, что не прислал, не имел возможности, «Ракового корпуса», еще более за все отступления от ваших подлинных биографий, характеров и обстоятельств — у Ирины Емельяновны особенно. Но так требовал роман. Всегда вспоминаю вас с теплом, многие расспрашивают о вас, московские онкологи удивляются, как высоко стояло лечение в Ташкенте уже в то время». Напомню, это был 1973 год, он просил нас не писать ему, чтобы у нас не было неприятностей. Следующая наша встреча (в письмах, конечно) была уже с Вермонтом.

Жизнь текла. Он поручил людям в Москве пересылать мне свои произведения, и я их почти все читала. К счастью, в Ташкенте не очень знали, кто такой Солженицын, а может быть, просто судьба обошла. Никто меня никогда не спросил, никто не вызывал никуда. И его письма сохранились (мы их спрятали в столешнице нашего стола).

Я что хочу сказать еще. В 90-м, 91-м году мной заинтересовались корреспонденты. Они все просили у меня интервью, а я отказывалась, и только одному не смогла отказать, Грише Лесниковскому. И он написал не о книге Александра Исаевича, а о раковом узле. И подробно — о всех врачах нашей клиники, о моих учителях. Мне очень запомнилось начало:

«По Чимкентской дороге ехал человек, в гортани которого копился голос всех тех миллионов, кто не доцарапал, не дошпал, не дохрипел.

У человека был рак».

Понимаете, это было невозможно совместить, невозможно человеку выдержать — и лагерь, и эту болезнь. И этот человек выбрался. Значит, он достоин того, понимаете, достоин того, чтобы жить, творить. Ему Богом дана жизнь.

Материал подготовил Александр БУРОВ

«Всемирное братство во имя Христово», свободное человеческое единение — цель, к достижению которой всю жизнь стремился основатель Православного Трудового Крестовоздвиженского братства, выдающийся светский богослов Николай Николаевич Неплюев (1851-1908).

Осенью 1880 года он, русский аристократ, принадлежавший к древнему дворянскому роду, выпускник Петербургского университета, дипломат — активный деятель международного миротворческого движения, оставляет государственную службу и поселяется в родовом имении — в хуторе Воздвиженское, где открывает мужскую и женскую сельскохозяйственные школы для детей из беднейших крестьянских семей. В этих школах, наряду с хорошим профессиональным образованием, детям давалось религиозно-нравственное и эстетическое воспитание. Всякое насилие было исключено. Работала большая библиотека, преподавалась музыка, рисование, проводились литературные вечера, ставились любительские спектакли. По определению учредителя, школа готовила «добрых христиан и культурных земледельцев».

В 1889 году выпускники школ, не захотевшие расстаться со своим воспитателем и друг с другом, объединились в Крестовоздвиженское братство. Братство было открыто для свободного вступления и выхода, прежде всего новыми членами становились выпускники школ.

В братстве все движимое и недвижимое имущество, за исключением предметов личного обихода, считалось коллективной собственностью. Частная собственность допускалась в виде личных счетов членов общины. Братские семьи-артели работали на полях, фермах, в мастерских, возделывали сады, учительствовали в школах, управляли заводами. Экономической деятельностью руководил хозяйственный совет. Чистый доход после отчислений в общие фонды (20 %) поровну разделялся между членами братства.

К 1900 году братчиков было сто пятьдесят человек, а вместе с воспитанниками школ, общее количество «неплюевцев» превышало триста человек.

В декабре 1901 года Неплюев передал в дар братству свое недвижимое имущество, состоящее из более 18 тысяч гектаров земли с лесом, постройками и заводами.

В 1904 году, ясно сознавая опасность надвигающихся на Россию социальных потрясений, Неплюев поднял вопрос о национальном покаянии. И немедленно начал создание двух организаций: светской — «Партии мирного прогресса» — и религиозной — «Всероссийского братства», призванных объединить людей доброй воли

На братском кладбище у могилы Неплюева

ма у него будет — я не знаю. Может быть какой-то христианский приют? Может быть семейные приюты, такие благотворительные учреждения?

Сейчас в Воздвиженском находится уголовная колония № 666. Находится в здании Преображенской школы. Те, кому после освобождения некуда ехать, остаются здесь же, в Воздвиженском. И просто полностью опускаются. Они живут в так называемых «шанхах», воруют с грядок, собак убивают, на улицах стоит постоянная ругань, ходят пьяные женщины — их «боевые подруги».

Но тем не менее возможность сделать заповедник в Воздвиженском есть. Мы планируем за эту зиму создать фонд Неплюева.

“Кифа”: А есть какая-то инициативная группа?

Я вообще-то в одном лице. Но у меня есть несколько помощников. Есть в Сумах организация при краеведческом департаменте, которая называется “АС-Медиа”. Вот они помогают мне тем, что привлекают внимание общественности. Помогает Международная лига защиты культуры, ее вице-президент, потомок члена братства — Георгий Николаевич Фурсей.

Дело в том, что у меня нет богословского образования, поэтому мне очень помогла написать книжку о Неплюеве Ирина Гордеева — московский историк, специалист по коммунистическим движениям.

“Кифа”: А скажите, пожалуйста, со стороны церковной иерархии есть какая-то поддержка или хотя бы какой-то интерес?

Да, есть, хотя и не очень широкая. Митрополит Киевский и всей

ТО ЖЕ БРАТЧИКИ!

Жители украинской глубинки до сих хранят благодарную память о Неплюевском братстве

на дело мирного созидания родины. Этот замысел не нашел понимания властей и интеллигенции.

После кончины Неплюева, наступившей 21 января 1908 года, братство, исповедуя христианские начала, продолжало активно существовать и развиваться. Численность братства к тому времени возросла до 500 человек. Оно неуклонно крепло экономически, применяя в своей хозяйственной деятельности эффективные аграрные технологии и передовое Всероссийской сельскохозяйственной выставке 1911 года большой золотой медали. В 1912-1913 гг. активы Трудового братства достигли 2 миллионов рублей. Несмотря на все весьма значительных продолжали трудиться от плюевскому завету «опрятности и простоты».

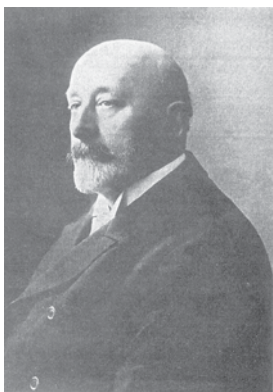
Трудовое братство привнесло модель будущего, более общества и демонстрирует христианского братства людей, словных, имущественных, личий. Члены братства — и сестрами.

Диапазон суждений о неплюевском братстве был широчайший: от идеализации до полного неприятия. В рамках упрощенно-условной классификации, разработанной идеологами различных общественно-политических течений русского общества для Неплюева не было «подходящей рубрики». Его имя всегда было окружено ореолом таинственности и пугало многих высокопоставленных чиновников. К.П. Победоносцев, считавший его опасным социальным новатором и религиозным реформатором, запретил издание сочинений Неплюева в России.

В то же время братство поддерживало добрососедские отношения с близлежащими монастырями: Глинской пустыней, Гамалеевской женской обителью. Наиболее близкие духовные связи сложились у него с Троице-Сергиевой лаврой и Московской духовной академией. В январе 1907 года Неплюев по приглашению МДА прочел в ней семь лекций. Отец Иоанн Кронштадтский, хорошо знавший деятельность Неплюева, называл его истинно русским дворянином, занимающимся истинно дворянским делом.

После революции, в марте 1919 года, оставаясь своеобразным оазисом христианской культуры, братство переименовывается в «Первую украинскую советскую коммуны». В 1924 г. власти репрессировали руководителей братства и превратили его в колхоз. Последовавшее в 1929 г. насильственное выселение братчиков из мест их постоянного проживания — хуторов Воздвиженска и Рождественска — обернулось не только ломкой их судеб, но и полным забвением дела Неплюева, его имени и идей.

Имя Неплюева стало возвращаться в историческую память лишь с начала 1990-х годов, благодаря усилиям потомков братчиков. В 2001 году в Воздвиженском был создан историко-мемориальный музей-заповедник «Трудовое братство Н.Н. Неплюева». Мы предлагаем вашему вниманию интервью с директором этого музея Валерием Николаевичем Авдасевым.

звано было олицетворять живое совершенное человеческое общество реальный пример христианской зависимости от их социальности и иных разрывов друг друга братьями

“Кифа”: Не могли бы Вы рассказать о том, как возник Ваш музей?

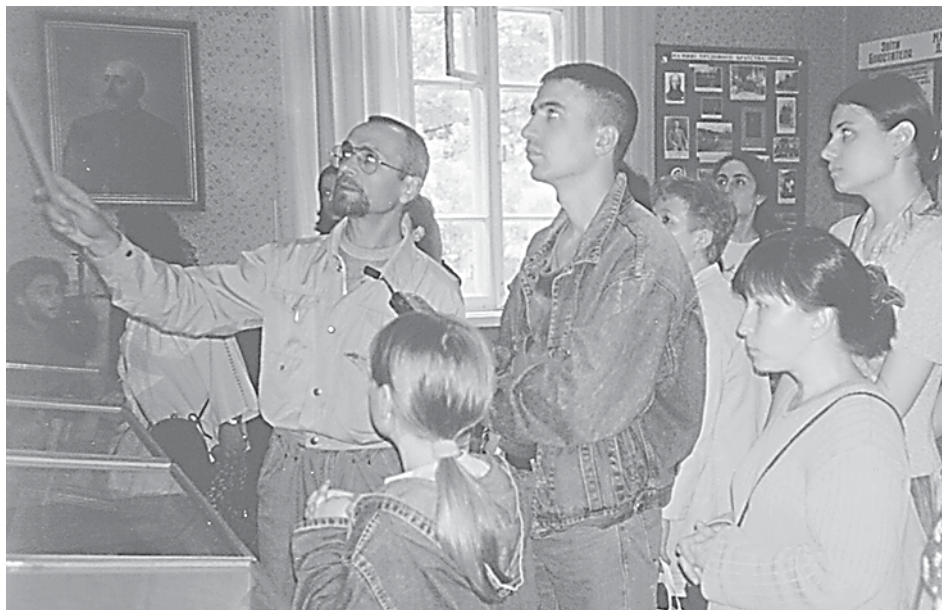
Музей появился давно, сначала как музей села, музеем братства он стал буквально 3 года назад. Долгое время мои инициативы местными властями не воспринимались, здесь очень помог ныне, к сожалению, покойный, академик Б.В. Раушенбах. Когда от него пришло письмо, было принято решение о том, что такой музей нужен. Сначала я на общественных началах совмещал работу директора музея с работой школьного учителя биологии. Но потом оставил работу в школе, чтобы создать полноценный большой музей, посвященный именно неплюевскому братству. И вот с 2000-го года, как раз года 150-летия Н.Н. Неплюева я начал создавать этот музей. Он формируется на базе сохранившегося дома Неплюева, и окружающего его парка, с братским кладбищем, где похоронен Николай Николаевич и братья. Это материальная часть музея. Но мне важно сохранить не только ее, но и чтобы было живое дело, как у Неплюева: создать детский приют на христианских началах. Но к сожалению людей, которые поддерживали бы это начинание в наших местах нет. Вот поставить большой памятник, отлить юбилейную медаль — это да. Неплюев считал, что для того чтобы продолжать его дело, не надо воздвигать новых идолов, не надо воздвигать новых памятников. Кстати, на его могиле стоит простой дубовый крест и он завещал не ставить никаких пышных надгробий, а делать живое христианское дело, по евангельской заповеди: «Кто примет одно дитя во имя Мое, тот Меня принимает». Вот он это и делал всю свою жизнь. Он принимал детей и говорил, что если Вы примите хотя бы одного ребенка, то и Вы будете счастливы его счастьем. Поэтому вот я стараюсь как-то продолжить это живое дело. Какая фор-

Украины Владимир (Сабодан) благословил нашу инициативу и даже выделил деньги на изготовление памятного монумента Неплюеву. Об этом была опубликована моя статья в украинском журнале «Православный вистник». Потом мы писали статьи, письма, но пока что реакции нет. Хотя на юбилей Неплюева была целая группа священнослужителей во главе с епископом Конотопским и Глуховским Иннокентием. Потом есть еще почитатели Неплюева в Петербурге. И один из них бывший ректор Духовной Академии протоиерей Владимир Сорокин. Я с ним по телефону говорил наверно год назад, и он сказал, что считает Неплюева одним из самых сильных христианских мыслителей в XIX веке.

Большое внимание проявляется со стороны Шеветоньского монастыря. Масса литературы. Во Франции, Бельгии, издана масса книг, посвященных Николаю Николаевичу и братству. Иеромонах Антоний (Ламбрехтс), библиотекарь монастыря присылал мне целых две пачки литературы.

Потом получаю письма из Лиона, дело в том, что во Франции в Лионском университете 5 лет назад вышла книга профессора Режиса Ладу «Русское счастье: коммуна славянофила Неплюева». (Ladous R. Un bonheur russe: La commune slavophile de Nicolas Nepluyev)

Проблема в том, что со мной очень трудно поддерживать связь. Потому моя беда — это постоянная бедность материальная. Моя зарплата составляет на ваши деньги 30 долларов в месяц. Это полностью, я и уборщик этого музея, и смотритель, и экскурсовод. Весь музей на мне. Площадь помещения 600 кв. м. А вообще сейчас музей находится в другом помещении — Доме Культуры, там помещение 230 кв. м. Одна экспозиционная комната — 90 кв. м., а остальное

Валерий Авдасёв рассказывает об истории неплюевского братства

это фонды и т.п. Это все надо помыть, воду надо носить ведрами из колодца - обычные сельские проблемы. Я живу с отцом, а семьи и детей у меня нет.

“Кифа”: Трудно себе представить, какая семья выдержит такую загруженность при такой зарплате.

У меня свой сад и огород, иначе просто не выживешь.

“Кифа”: Валерий Николаевич, а как для Вас лично открылся сам образ Неплюева?

Да, это действительно было откровение. Я был человеком неверующим, не то, что атеистом, во мне всегда присутствовало какое-то ощущение чего-то Высшего над нами, но понятие о Боге, о том, что Бог есть Любовь, для меня было трудно. Когда я впервые читал страницы оригинального сочинения Николая Николаевича, то я перечитывал наверно раз 7, чтобы понять, о чем там идет речь. Это был человек просто потрясающих качеств. Такое чувство было, что это человек духовно раненый ранами других, находящийся в кругу людей физически здоровых, но духовно больных. Он эти раны на себя берет, и говорит о том, как надо жить, принимает этих детей. Он был человеком совершенно искренним, меня поразила его личность, сила духа, искренняя христианская любовь, когда он все свое имущество раздал этим детям, которых он взял. Никто из его окружения — он ведь был большой аристократ — не верил, что получится это братство, но он шел до конца. Это, конечно, меня потрясло. Я подумал о том, что не может быть, чтобы такой подвиг, такая жизнь и такой колоссальный опыт, почти полвека существования, начиная с основания и заканчивая 1929 годом, когда братчиков насильно выселили, пропал без следа. Я подумал, что нельзя допустить, чтобы это было как-то забыто.

Моя первая статья называлась “Блюститель” просто о том, кем был Николай Николаевич. Потом я просто привел в порядок его могилу, там ничего не было, все поломали, теперь стоит хороший дубовый крест. Конечно, кладбище запущено, но что в наших силах — мы делаем. Потом постепенно пришла мысль заняться музеем и популяризацией. Вот сейчас, в СФИ я говорил с Виктором Коттом, о том, чтобы передать для публикации сочинения Николая Николаевича. Потому что его мало кто знает. И в православном мире он совершенно незнакомая фигура. Его ценили профессора Московской Духовной Академии — Михаил Михайлович Тареев, протоиерей Павел Яковлевич Светлов, профессор С.А. Соллертинский из петербургской академии. Он трижды бывал в братстве, специально приезжал. Членом-соревнователем братства был знаменитый петербургский проповедник священник Григорий Петров.

Я хотел бы написать книжку о

том, как я к этому пришел.

“Кифа”: Вы уже во взрослом возрасте открыли для себя Неплюева?

В 28 лет, после армии и института. Дело в том, что я родился и вырос в Воздвиженске и ничего не знал об этом братстве.

“Кифа”: Не осталось никакой живой памяти?

Нет, была. Когда выселили в 1929 году всех братчиков, осталось там 5 семей. К ним относились настороженно. Я помнил с детства, что это были за люди. Я знал Нину Ивановну Желткову и других. Это были люди совершенно необыкновенные. От них исходил какой-то свет. Они были бескорыстные. И вообще — совсем другие люди. С ними просто постоять было приятно. Я был ребенком, я помню Ирину Михайловну Бондаревскую. Они были такие приветливые, такие вежливые всегда. Никогда грубого слова от них не услышишь. Они играли на музыкальных инструментах, на гитаре. Моя родная бабушка была неграмотная, даже не умела писать. Она всегда говорила: “То ж братчики!” Каким-то мистическим тоном, т.е. какие-то совсем необыкновенные люди. Ну и отец у меня всегда говорил о Неплюеве “Николай Николаевич”, никогда не говорил просто “Неплюев”. Это тоже у меня как-то осталось. Все время было чувство, что тут что-то было. В парке есть такие

места, куда приходишь и ощущаешь, что здесь было какое-то духовное явление. Это не передать словами, но какое-то впечатление чего-то хорошего, доброго на этом месте есть. И я чувствую, что “вот мой дом”. Какое-то чувство родины связано с этим, с этими дубами, с этим неплюевским домом.

“Кифа”: Поддерживаете ли Вы отношения с потомками братчиков?

Да, конечно. Начинал я с одной фамилии. А потом время шло, в круг моих поисков входили все новые люди, и теперь у меня целая тетрадка с адресами — страниц наверное 30. Самые главные друзья музея, которые снабдили меня необходимой информацией, это братчики второго поколения. Они родились в начале XX века, в 10-х годах. Они уже почти все ушли. С третьим поколением уже гораздо меньше контактов. Братчики расселены по всему миру, начиная от ближайших к Воздвиженску мест и кончая Лос-Анжелосом, Нью-Йорком, Сан-Франциско. И у них сохраняется память. Между ними есть переписка. И все эти годы существовала переписка. Они не могли встречаться, потому что их преследовали. И только с прекращением репрессий они стали встречаться то в Москве, то в Киеве и однажды они даже приехали в Воздвиженское. Это была предпрестроечная пора, 1986 год. Они еще в 1983 году хотели поставить Неплюеву памятник. Сразу появились разгромные статьи о том, что это «поповщина», тогда был еще атеизм. Но все они между собой поддерживали постоянные контакты, они помогали друг другу во всем. Помогали в войну, если кто попадал в тюрьму. Эти духовные нити между ними всю жизнь существовали. У меня есть переписка Павла Ключева. Его отец был один из первых учеников Неплюева. А он стал металлургом, стихи писал, был художником. У них даже был гимн Воздвиженска, он назывался “В старинном парке”. Потом они пытались создать музей. Но, к сожалению, местные власти тогда были страшно против. В 1993 году я начал заниматься этим делом. Тогда еще кое-что было. Сейчас уже все — уходят последние из второго поколения. Я хочу найти архив Неплюева и его библиотеку. Она исчезла и никто не знает где. Там очень много ответов на вопросы. Почему Неплюев был гоним официальной церковью?

Она же в принципе был гоним. МДА избрала его своим почетным членом, но Синод не утвердил. И когда вызвали на Синод, на следующий год после избрания Неплюева, ректора академии епископа Евдокима, то ему было сказано: “Слишком много у Вас неплюевщины”. Творчески мыслящие богословы ценили Неплюева как православного человека, посвящали ему целые работы. Существовала крайняя полярность суждений о нем и его братстве.

С точки зрения богословской и даже просто человеческой плоды, которое принесло это братство, очень хорошие. Среди воспитанников Неплюева не было ни одного человека не только осужденного, но даже ни одного человека, который привлекался бы к штрафу за какой-то проступок. Не только нет ни одного человека, который изменил бы церкви, но даже совершил какой-нибудь проступок. Настолько они были нравственно и духовно воспитаны. Даже те, кто попал в ГУЛАГ. Вот Федоренко. Он же не сломался духовно, не признал себя виновным, не оговорил себя. Вот Марченко, которая жила в Москве. Она не была членом братства, ее дед был священником, который работал вместе с Неплюевым тоже осталась духовно крепкой, не оговорила своего мужа, получила 8 лет лагерей. Написала об этом целую книжку. Это были люди, от которых зло просто отлетало. Жили в той же среде, но все как-то по-другому. У нас жила женщина одна, она врач была, в маленьком домике, таком как летняя кухня, 3-4 метра. Но стекла чистые, домик такой опрятный. Это был девиз Неплюева: «Здоровая, дешевая, изящная простота». Не нужно много вещей, просто, чтоб было самое необходимое. Вот такого канона они всю свою жизнь придерживались. Они всю свою жизнь были такие чистенькие, выглаженные. Если ска-терть, то беленькая, простенькая, но всегда беленькая. И они были такие, что как мне сказала одна из них — крик на человека она услышала впервые после Воздвиженска. Ей было 28 лет на момент выселения — она не слышала, чтобы кричали, чтобы представляли кого-нибудь. И после переезда в город она приходила домой и запиралась, и молилась, чтобы ее забыли обратно...

Записал Александр БУРОВ
Фото: Анна АЛИЕВА

Братство во имя новомучеников и исповедников российских. Паломническая поездка в июле 2003 г. У дома неплюевского братства

“Да я нормально отношусь к Церкви, я молюсь, я верю, но только, знаешь, для меня сейчас все по другому, это не первое в моей жизни”.

Из разговора подростка с руководителем в лагере

Мы слышим эти слова, и нас охватывает оторопь. Как же так, что же делать? Столько сил положено на то, чтобы в жизни детей Церковь была на первом месте, чтобы откровение, свет, любовь, которые мы сами пережили и переживаем, были их откровением, их жизнью. А они не чувствуют, а для них рутина, обыденность, тяжкая обязанность или в лучшем случае своя тусовка — еженедельные посещения храма, наши взрослые встречи, собрания, разговоры о радости братской жизни. И нас охватывает паника. Мы заставляем их ехать в паломничество, ходить на исповедь, отстаивать вечерни, выясняем про каждую молодежную встречу — церковна ли она, что там будут делать подростки, даже если они сами идут гулять или встречаются друг с другом. Или наоборот, говорим: зачем насилие. Пускай себе занимаются тем, что их увлекает, на что уходят их реальные силы — на освоение интернета, скэйтов, мопедов, автомобилей.

Вырастут — сами выберут Церковь. Или не выберут? Вопрос шекспировский — быть или не быть? Только задают его не наши дети 13–15 лет, а взрослые по поводу детей. Родители, руководители, организаторы летних лагерей и детско-молодежных программ во взрослых паломничествах.

А дети наши многое для себя решили. Прежде всего, решили вопрос приспособления — можно жить так, чтобы и родителей, и взрослых не огорчать, и в тоже время жить своей жизнью, иметь свои собственные ценности. С младшими чуть проще, их родители приводят в группы.

БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ

Подростки в церковной жизни

Там свои — детские — проблемы. С молодежью тоже, кажется, проще — в молодежных церковных группах те, кто ищет свой путь в Церкви или хотя бы имеет вопросы к жизни, к Церкви. Подростки вопросов не задают. Они ищут приложения своих сил, энергии. Они готовы что-то осваивать. Но это что-то должно быть: во-первых, конкретным, во-вторых, соответствовать их

стоялся этот лагерь.

В последнем лагере мы много говорили. Дожливая погода часто собирала у костра. Для меня было множество открытий. Например: наши подростки не подозревают, что в мире существуют разные системы ценностей, и что у них есть выбор. Им очень интересно, когда рассказывают о них самих, когда высказывается мнение об их поступках, о ха-

сказочник, волшебник, то с подростками общение невозможно без ежедневного преодоления себя, своей взрослой усталости. Не поленился и переплыл с ними на другой берег озера — открыта дверь к общению, к игре. Устал и остался на берегу — остается система приказов и исполнения.

Еще одно наблюдение: церковная жизнь тяжела тем, кто не умеет играть.

индивидуальным интересам, в-третьих, быть рискованным, в-четвертых, они должны чувствовать, что их нахождение в группе зависит от их деятельности.

Летние детско-молодежные лагеря — особая выстроенная по часам программа жизни, в то же время — возможность наблюдения и размышления, возможность вдохновенного радостного, но подчас трудного общения с детьми разного возраста. Только нужно желание освоить язык подобного общения. Летние лагеря, в этом я убеждена — один из видов паломничества. Если в лагере не происходит встреча с Богом, с Церковью, друг со другом — значит, не со-

рактрах. Они растеряны от необходимости выбирать церковный путь по воле родителей. Интересно, что строгие правила жизни в паломничествах перед лагерем заставили их задавать вопросы. Стало видно, что в сознании многих подростков церковная жизнь ограничивается системой запретов и разрешений.

Дружественность и открытость во взаимоотношениях — это то, к чему ведут невидимые нити скаутской жизни, но к самим отношениям нужно еще прийти. Лагерь превращается в совместный путь сквозь подростковую жесткость, замкнутость, индивидуализм, беспрерывное “словопротитие”. Специфика возраста: если с малышами руководитель —

Мне думается, что зажатость детей — даже большая проблема, чем курение. Проблему курения можно ставить и добиваться ее решения. Но передать человеку вкус к игре, чувство юмора, смелость быть смешным, открытым — долгий процесс.

Вспоминаются строки О.А.Седаковой: “...Игра в своем онтологическом смысле противостоит насилию и принуждению: нельзя играть по приказу, но точно так же нельзя быть мужественным по приказу, нельзя приказать быть справедливым. Все классические добродетели исключительно свободны, “добродетель по приказу” невозможна...отвечать можно не только долгу, но и свободе, ответом

может быть и благодарная беспечность, ответственностью — вступление в Игру...”

За последние два года старший наш отряд стал молодежной группой. Они прошли молодежное воцерковление, стали студентами. Скаутский лагерь стал детско-молодежным. Однако может быть лагерь — это только детская работа и оставаться должны лишь те, кто стали помощниками руководителей? Старшие образовали традиционный для скаутов Круг витязей и дружинниц, но чем он должен заниматься, было не очень ясно.

Лагерь этого года дал новый импульс к жизни. У молодежи особая роль. Они прошли этот путь с детства. Они многое умеют. Они красиво и свободно носят форму. Они восприняли свой скаутский путь как путь в Церковь. Они умеют играть и смеяться, умеют работать, и они же учатся молиться. Они прожили и сказочные игры детства, и “темный тяжелый” период отрочества и остались вместе. Для них дружба с руководителями, со взрослыми, жизнь в братстве — родная жизнь, это их дом. В этом доме они старшие, нести старшинство непросто, мы хорошо это знаем по притче о блудном сыне. Они сами хорошо знают свои проблемы. Впервые в этом году явилась полнота всех возрастов в дружине, и появляется реальная надежда, что ребенок, пройдя все ступени взросления, сможет достичь духовной зрелости и поменять детскую веру на взрослую без разрывов и катастроф в “трудном” возрасте (которые порой затягиваются на десятилетия).

Этот лагерь под Старой Торопой был не из самых простых, но многое в нем было окрашено радостью надежды. Может быть, не случайно, нам погода была дана в испытание. Несколько дней тепла, а потом дождь и дождь. Гроза и молнии, от которых валились между палатками колоссальные деревья. Сквозь непроспанные отношения в старших отрядах, наконец, твердое решение проблемы курения в лагере. Чтение всем отрядом Шекспира под грозой днем и при свечах тихой ночью на специально выстроенном балконе. Литургия, которая кончилась в четыре часа дня. Очень красиво выстроенное ралли в лесу. И последние два костра — малышей и старших, где каждое выступление вызывало удивление талантом детей и взрослых.

Галина СЕРОВА

Свято-Филаретовский православно-христианский институт,
Журнал “Вестник Русского Христианского Движения”,
Институт человека РАН
проводят в Москве
с 24 по 26 сентября 2003 года
международную научно-богословскую конференцию

**ВЕРА — ДИАЛОГ — ОБЩЕНИЕ:
ПРОБЛЕМЫ ДИАЛОГА В ЦЕРКВИ**

Цель конференции — содействовать реабилитации идеи диалога в церкви и обществе и наметить пути этого диалога, обратившись как к полноте церковного Предания, так и к философскому и культурному наследию и социальному опыту самых разных времен.

Свято-Филаретовский
православно-христианский
институт
**МАСТЕР-КЛАССЫ
ЦЕРКОВНЫХ РЕМЕСЕЛ**
при Богословском колледже
обучение 3 года

3 отделения:

- Шитье церковных облачений
- Золотное и лицевое шитье
- Основы иконографии (Введение в иконописание)

Обучение включает в себя основы богословского образования с выбранной художественной специализацией.

Прием документов с 1 по 8 сентября, дополнительный набор до 7 октября.

Приемная комиссия находится по адресу: ул. Покровка, 29-38, тел. 923-03-80

Справки по тел. 445-67-84 (Серова Галина Юрьевна)

Нашу газету можно приобрести:

В Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ — ул. Покровка, д.29, оф.38), в центре религиозной литературы ВГБИЛ им. Рудомино (ул. Никольская, д.6), в книжном киоске первого гумфака МГУ
В Санкт-Петербурге: в магазине “Слово” (Малая Конюшенная, 9)

Телефоны распространителей:

Москва: 3142596 (Александра Ошарина), 1314769 (Ольга Филиппова), 2107006 (Ольга Орлова), 1589116 (Валерия Волкова), 3426306 (Марина Чиркова), 9935255доб622, 7427807 (Дмитрий Шаповалов)
Санкт-Петербург: 8-9216449348 (Анастасия Наконечная)
Тверь: 8-0822502308 (Олег Ермолаев)

Редакторы:
Александр Буров (СПб)
Александра Колымагина
(Москва)

Над номером работали:
Владимир Лидский
Дмитрий Матвеев
Анастасия Наконечная
Елена Чеботасева
Александра Ошарина

Иллюстратор: Татьяна Аразян
Дизайн: Андрей Марсеев
Верстка: Татьяна Тыртыш

Тел./факс: (095) 923-03-80
e-mail: kifa@list.ru
Тираж 1000 экз.

Издание зарегистрировано в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ №77-14924 от 26 марта 2003 г.